(3.5)(6)32
-
044

Для ознакомл

С. О. Цывульскій,

Иллюстраціи быта древнихъ грековъ и римлянъ въ таблицахъ.

ОДЕЖДА

ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ

Объяснительный текстъ къ таблицамъ: XVI, XVII, XVIII, XIX и XX.

Составилъ

В. Амелунгъ,

членъ Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ.

Переведъ Ф. Э. Виделанъ,

Преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института.

Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1904.

ПРОВЕ... 163 8.

о обмѣнѣ мнѣніями единогласно
ніяовлено: поручить Правленію Обь-
ıскаго Союза Кооперативовъ воз-
телеграфныя ходатайства объ
жденіи изъ-подъ ареста А. А. Бла-
на и Л. И. Аронтрихера предъ ко-
ющимъ арміей Ген. Гайда, Глав-
Начальникомъ Тюменскаго Воен-
Округа Ген. Рычковымъ и предъ
ѣдателемъ Совѣта Министровъ Во-
кимъ съ изложеніемъ обстоя-
въ дѣла, а также сообщить по те-
у о событіяхъ „Всекосовѣту" и
конторѣ „Закупсбыта".
повѣстить объ арестѣ А. А. Бла-
на и Л. И. Аронтрихера Губерн-
Уѣздную Земскія Управы и То-
ую Городскую Думу.
всѣхъ мѣропріятіяхъ Правленія
до свѣдѣнія Начальника Гарни-
Тобольска съ просьбою оказать
ное содѣйствіе благопріятному
дѣла.
одлинное за надлежащимъ под-
.
ъ подлиннымъ вѣрно: Секретарь
ıковъ.

жизни „Сѣверосоюза."

ıныя засѣданія Правленія и Ревизіонной Комиссіи Союза.

тавомъ Обь-Иртышскаго Союза
ативовъ—„Сѣверосоюза" управ-
ѣлами Союза возложено на Соб-
полномоченныхъ и на Правленіе,
мое этимъ Собраніемъ уполномо-
ъ.
громадностью разстояній и за
зіемъ удобныхъ путей сообщенія
я уполномоченныхъ созываются
зенно не болѣе одного раза въ
между тѣмъ измѣнчивая, кипя-
знь сплошь и рядомъ ставитъ
Правленіемъ вопросы, требующіе
го быстрыхъ и чрезвычайно от-
нныхъ отвѣтовъ, часто выходя-
а предѣлы формальныхъ рѣшеній
я уполномоченныхъ.
промежуткахъ времени отъ одно-
ѣнія уполномоченныхъ до друго-

посовѣтоваться съ ними, вмѣстѣ общими силами и общимъ разумомъ разрѣшить выдвигаемые жизнью вопросы тревоги, сомнѣнія и надоразумѣнія.

Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, станетъ и предметомъ обсужденія будущаго Собранія уполномоченныхъ, ибо нельзя будутъ оставить его неразрѣшеннымъ, а пока что Правленіе вынуждено было прибѣгать при рѣшеніи болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ, выдвигаемымъ жизнью Союза и не предусмотрѣнныхъ Собраніемъ уполномоченныхъ, къ помощи Ревизіонной Комиссіи Союза, избранной, какъ и Правленіе, голосомъ представителей всей нашей Сѣверной коопераціи.

Въ теченіе 1919 года такихъ совмѣстныхъ засѣданій Правленія съ Ревизіонной Комиссіей, а также съ представителями работниковъ отдѣловъ Союза было семь.

На первомъ засѣданіи 10 января присутствовали члены Пр-нія: А. А. Благоволинъ, Л. М. Мухортовъ, И. И. Кузнецовъ, члены Ревизіонной Комиссіи-Ф. А. Рѣпинъ и П. Х. Прибыльскій, отъ Союза служащихъ—Е. М. Жоровъ, С. К. Кривенко и Г. Ф. Пономаревъ, отъ Тов. Торговаго Отд.—Т. В. Власовъ, отъ Инструкторскаго Отдѣла—А. Н. Бершандтъ, отъ Статистическаго отд.—Л. И Аронтрихеръ и отъ Редакціи журнала „Сѣверосоюзъ"—М. Р. Петровъ.

Первымъ вопросомъ, подвергнутамъ обсужденію собранія, былъ жгучій вопросъ о пополненіи состава Правленія. Предсѣдатель Правленія А. А. Благоволинъ нарисовалъ предъ собравшимися картину разросшейся работы Союза, особенно по Товарно-Торговому дѣлу, и указалъ, что въ то время, какъ работа Союза росла и расширялась, Правленіе въ своемъ составѣ уменьшалось и въ данный моментъ осталось въ числѣ только четырехъ человѣкъ. Справиться со всей сложной и разносторонней работой Союза и поставить ее на соотвѣтствующую высоту при наличіи 4-хъ членовъ Пр-нія нѣтъ ни силъ, ни возможности. Выходъ изъ создавшагося положія Правленіе находитъ въ увеличеніи его состава, хот

По хронологическому каталогу № 474
По систем. кат. № 960/А 618. 390 9(31) А-61
63 51(0)32-426
Тоб. Окр. Б-ка № 13426

С. О. Цывульскій,

Иллюстраціи быта древнихъ грековъ и римлянъ въ таблицахъ.

ОДЕЖДА

ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

Объяснительный текстъ къ таблицамъ: XVI, XVII, XVIII, XIX и XX.

Составилъ

В. Амелунгъ,

членъ Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ.

Перевелъ **Ф. Э. Видеманъ,**

Преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института.

Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ.

Библиотека Тобольского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника инв. № 524

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1904.

1937 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1904 г.

L TM23929/23

*

* *

Таблицы—XVI, XVII, XVIII, XIX и XX и относящаяся къ нимъ настоящая книжка составляютъ предпослѣдній выпускъ предпринятаго мною изданія — „Иллюстрацій быта древнихъ грековъ и римлянъ въ таблицахъ“.

Составленіе текста и таблицъ любезно взялъ на себя профессоръ В. Амелунгъ, членъ Нѣм. Археологич. Института въ Римѣ, извѣстный своими спеціальными трудами и изслѣдованіями въ данной области. Подъ его руководствомъ—художникомъ Нётеромъ въ Римѣ приготовлены рисунки для таблицъ, причемъ, для большей точности и правильности послѣднихъ, были заготовлены спеціальные образцы одежды и затѣмъ уже исполнены въ краскахъ всѣ фигуры по манекенамъ и моделямъ.

Текстъ составленъ такъ, чтобы имъ можно было пользоваться и для изученія самого предмета, и для однихъ только справокъ. Кому нужны лишь общія свѣдѣнія относительно одежды, напр., для исторіи культуры, тотъ получитъ требуемый матеріалъ въ историческомъ обзорѣ (стр. 38—44 и 71—73). Для ознакомленія съ каждымъ костюмомъ въ отдѣльности съ цѣлью, напр., уясненія того или другого мѣста древняго автора, или для изученія древней пластики, служатъ особые отдѣлы текста, имѣющіе свои спеціальныя заглавія. „Перечень рисунковъ на таблицахъ (приложеніе I-ое)“ (стр. 74—78) представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе подробное описаніе каждаго изъ нихъ; и этотъ отдѣлъ

такъ-же, какъ и два раньше указанные составляетъ самъ по себѣ самостоятельное цѣлое. Наконецъ, въ „Приложеній II-мъ“ (стр. 78—80) помѣщены объясненія каждой иллюстраціи въ текстѣ.

Слѣдуетъ еще прибавить, что хотя въ текстѣ встрѣчаются греческія и латинскія слова, но всѣ они, равно какъ и связанныя съ ними фразы, заключены въ скобки, слѣдовательно, при ихъ пропускѣ общій смыслъ нисколько не нарушается.

Ст. Цыбульскій.

С.-Петербургъ,
20 января 1904 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книжка служитъ лишь объяснительнымъ текстомъ къ таблицамъ — съ XVI-ой по XX-ую и предназначается прежде всего для школы. Поэтому авторъ не могъ исчерпать вопроса вполнѣ, да и вовсе не имѣлъ этого въ виду. Однако имъ приняты во вниманіе всѣ главные типы древнихъ костюмовъ, такъ что не только учащійся, но и всякій, кто спеціально хочетъ изучить эту область древняго міра, можетъ найти здѣсь достаточное количество матеріала для перваго ознакомленія съ предметомъ; указанія для болѣе серьезнаго изученія представляетъ перечень литературныхъ трудовъ, приведенный въ концѣ каждаго изъ обоихъ отдѣловъ.

Авторъ старался вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить еще другое желаніе издателя, согласно съ которымъ предлагаемый трудъ долженъ оказать услугу, кромѣ школы, еще и пластикѣ, въ особенности же—сценическому искусству.

Въ этомъ отношеніи интересно будетъ привести здѣсь характерное мѣсто изъ книги Rötscher'a „Kunst der dramatischen Darstellung“ (I, стр. 368 и сл.), такъ какъ оно ясно выдѣляетъ особенности древней костюмировки и даетъ цѣнныя указанія относительно того, какъ такимъ костюмомъ долженъ пользоваться драматическій артистъ: „Такъ какъ древній костюмъ не имѣетъ формы, разъ навсегда законченной, не допускающей никакихъ измѣненій въ своемъ внѣшнемъ видѣ, но находится въ зависимости отъ отдѣльныхъ тѣлодвиженій и, стало быть, способенъ видоизмѣняться до безконеч-

ности, то онъ и есть абсолютно идеальный. Тутъ именно, можно сказать, каждый по собственному побужденію придаетъ своему костюму во всякій моментъ такую форму, которая соотвѣтствуетъ его тѣлодвиженіямъ; а такъ какъ послѣднія, въ свою очередь, обусловливаются побужденіями души, то оказывается возможнымъ проявлять ихъ даже въ одѣяніи. Если уже въ самой древности по тому, какъ каждый облекался въ верхнее одѣяніе и какъ носилъ его, можно было узнать человѣка благороднаго, принадлежащаго къ свободному классу, если уже въ древности тотъ или другой способъ ношенія или поддерживанія одежды имѣлъ особое, этическое значеніе, то ясно, что умѣніе пользоваться древнимъ костюмомъ, безъ нарушенія условій эстетическаго вкуса, требуетъ отъ артиста особеннаго изученія и пониманія символики формъ...

Облачившись въ греческую мантію или римскую тогу, онъ долженъ мысленно перенестись въ Аѳины или Римъ такъ живо, чтобы внѣшнее одѣяніе уже не казалось ему чѣмъ-либо чуждымъ, непривычнымъ".

Какъ ни сходимся мы во мнѣніи съ Рётчеромъ, все же не можемъ согласиться съ дальнѣйшимъ его взглядомъ: онъ утверждаетъ, что если сцена и требуетъ изученія древняго костюма, какъ характерной черты своего времени, то, съ другой стороны, точное соблюденіе разницы между греческимъ гиматіемъ и римской тогой не представляетъ необходимости. Мы увидимъ впослѣдствіи, какое значеніе имѣетъ эта разница, и насколько ясно отражается на ней вся противоположность и полная обособленность духа двухъ міровъ—греческаго и римскаго.

Выражаю здѣсь свою искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, которыя оказали мнѣ любезное содѣйствіе, разрѣшивъ воспользоваться помѣщенными въ ихъ сочиненіяхъ готовыми снимками съ античныхъ памятниковъ или воспроизвести таковые вновь.

Римъ, 1903 г.

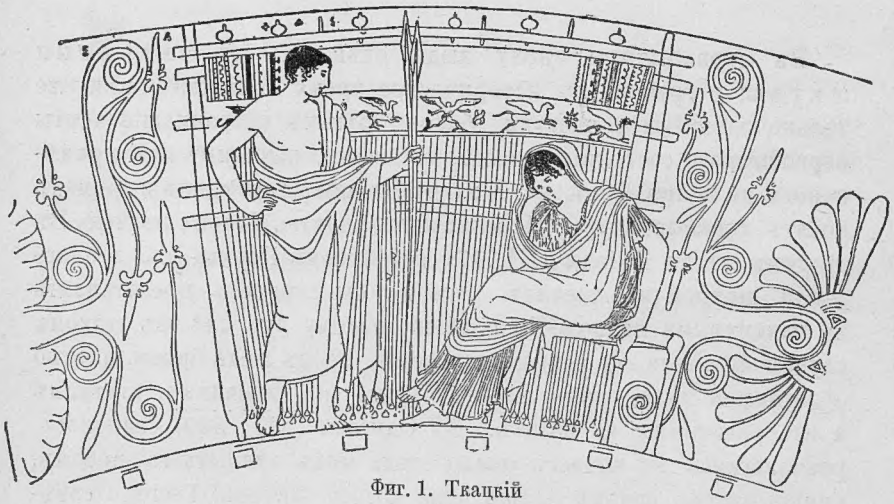
В. Амелунгъ.

Матеріалъ, изъ котораго приготовлялась одежда.

Въ первобытную эпоху люди одѣвались въ звѣриныя шкуры; у грековъ въ историческое время пользуются ими уже только охотники и пастухи, болѣе другихъ сохранившіе черты первобытнаго состоянія; иногда, впрочемъ, находимъ ихъ примѣненіе и на войнѣ. Такъ, въ X пѣснѣ Иліады Агамемнонъ и Діомедъ носятъ львиныя шкуры, Менелай леопардовую, Долонъ волчью. Въ другомъ мѣстѣ Иліады (III, 17) встрѣчаемъ Париса съ леопардовой шкурой на плечахъ. Эти шкуры слѣдуетъ представлять не накинутыми на подобіе плащей, потому что онѣ въ такомъ случаѣ стѣсняли бы свободу движеній, но въ видѣ брони, плотно облегавшей тѣло, какъ можно судить по древнимъ статуямъ и изображеніямъ на вазахъ. Въ Одиссеѣ (XIV, 530) свинопасъ, располагаясь на ночлегъ около стада подъ открытымъ небомъ, прикрывается, сверхъ плаща, еще козьей шкурой; Гесіодъ совѣтуетъ земледѣльцу сшивать овчины бычачьими жилами, чтобы въ ненастье носить ихъ поверхъ плаща („Труды и Дни“, 543).

Слѣдующую степень культуры представляетъ время, когда человѣкъ изъ овечьей шерсти начинаетъ прясть нити и ткать матеріи. Въ историческомъ отдѣлѣ увидимъ, что обитатели Эллады носили сначала только шерстяныя одежды; точно такъ же было и въ Римѣ. Этимъ матеріямъ умѣли придавать всевозможныя степени плотности: въ Тарентѣ, напримѣръ, была достигнута такая тонкость пряжи, что формы тѣла, прикрытаго такою матеріею, обрисовывались совершенно ясно. У Гомера нерѣдко встрѣчаемъ мѣста, доказывающія, что пряденіе и тканье составляли обязанность хозяйки дома и ея служанокъ; прясть и ткать заставлялъ дочерей своихъ еще императоръ Августъ.

Въ древнѣйшее время приготовляли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ кусокъ матеріи такого размѣра, какого требовала одежда. Рѣзать матерію и сшивать вошло въ обычай позже. У Гомера количествомъ такихъ кусковъ опредѣляется семейный достатокъ: обильный запасъ различныхъ одѣяній, дававшій возможность чаще мѣнять одежду, являлся признакомъ зажиточности. Ткацкія работы производились бо̀льшею частью на отвѣсномъ станкѣ, за которымъ женщины работали, стоя (см. фиг. 1); у феаковъ, од-



Фиг. 1. Ткацкій станокъ.

нако, дѣвушки за станкомъ сидѣли: стало быть, послѣдній имѣлъ, очевидно, горизонтальное положеніе, какъ и въ настоящее время. Удовлетвореніе потребностей туалета составляло, такимъ образомъ, предметъ домашняго хозяйства; однако, особенно цѣнныя матеріи уже въ гомеровскую эпоху привозились изъ Финикіи.

Гекторъ даетъ матери порученіе посвятить Аѳинѣ самое красивое и большое платье, которымъ она въ особенности дорожитъ, и вотъ Гекуба (Ил. VI, 288—95):

. . . . . спустилась въ покой ароматный,
Гдѣ у ней платья съ узорами пестрыми были, работы
Плѣнницъ-сидонянокъ; этихъ самъ богоподобный красавецъ
Вывелъ, Парисъ, изъ Сидона, куда занесенъ былъ волнами
Моря широкаго въ бѣгствѣ съ Еленой изъ славнаго дома.

Вынула платье Гекуба одно въ даръ богинѣ Аѳинѣ:
Величиной, красотою узоровъ оно отличалось,
Ярко блестя, какъ звѣзда, и лежало подъ всѣми другими.

Хотя грекамъ и италикамъ въ эпоху заселенія ими тѣхъ мѣстностей, которыя они занимали въ историческое время, уже былъ, вѣроятно, знакомъ первоначальный способъ изготовленія матеріи изъ льна, все же болѣе тонкіе сорта полотна и приготовленныя изъ него одежды вошли въ употребленіе, какъ намъ достовѣрно извѣстно, только благодаря знакомству съ востокомъ. Что въ Греціи и Италіи уже на первыхъ порахъ въ значительной степени распространилась обработка туземнаго льна, это мало вѣроятно: гдѣ не получали просто готовыхъ матерій, тамъ, слѣдуетъ думать, существовалъ ввозъ сырого льна. У Гомера только разъ идетъ рѣчь о выдѣлкѣ полотна (Од. VII,105—107): во дворцѣ Алкиноя одна часть служанокъ мелетъ зерна пшеницы, другія же

Нити сучатъ, словно листья тополя стройнаго, сидя,
И матеріи ткутъ; масло съ плотныхъ полотенъ стекаетъ.

Полотно въ оригиналѣ обозначено словомъ „ѳѳонэ (ὀθόνη)“, обыкновенно же оно называется „линонъ (λίνον)“. (Гомеровское слово καιρόεις мы перевели выраженіемъ „плотный“, желая этимъ указать, что ткань была какъ бы плетеная, скрѣпленная особыми продольными крѣпкими снурками—καῖρος, καίρωμα, чтобы не перепутывались нити основы). Для выдѣлки ткани пользовались масломъ. Такъ въ описаніи Ахиллова щита упоминаются полотняные хитоны, въ которые одѣты молодые люди, исполняющіе хоровой танецъ (Ил. XVIII, 593 и сл.): хитоны ихъ лоснятся отъ масла (ἧκα στίλβοντας ἐλαίῳ). На старательное ихъ изготовленіе изъ „искусно, равномѣрно сученыхъ“ или „крученыхъ“ нитей указываютъ эпитеты со значеніемъ—прекрасно сотканный (εὔννητος и εὐκλωστος).

Какой плотности могла достигать полотняная ткань, указываетъ тотъ фактъ, что изъ нея приготовлялись панцыри. Матеріаломъ для грубыхъ тканей служила пакля (στύππινοι χιτῶνες). Тонкія, даже просвѣчивавшія одежды было гораздо легче ткать изъ нитей льняныхъ, нежели шерстяныхъ. Пользовались ими поэтому весьма часто, что подтверждается свидѣтельствами авторовъ и изображеніями на памятникахъ. Подобною тонкостью ткани отличались, напримѣръ, одежды аморгинскія. Уже у Го-

мера хитонъ Одиссея по своей тонкости сравнивается въ одномъ мѣстѣ съ пленкой (шелухой) сушеной луковицы (Од. XIX, 232 и сл.). При тканіи или крѣпко скручивали нить, что придавало матеріи равномѣрно-волнистый видъ (такъ получались крученые хитоны — στρεπτοὶ χιτῶνες, о которыхъ говоритъ Гомеръ), или, сильно скручивая уже готовую гладкую, смоченную ткань, придавали ей множество мелкихъ неправильныхъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ складочекъ, благодаря чему она свободно облегала тѣло, подобно нынѣшнему крепу.

Хлопокъ также довольно рано сталъ извѣстенъ грекамъ. Римляне познакомились съ нимъ позднѣе (называли его ἔριον ἀπὸ ξύλου и κάρπασος, lana arborea, carbasus). У Геродота встрѣчаемъ замѣтку о добываніи его въ Индіи и о его примѣненіи въ одеждѣ (III, 106—ср. III, 47). Кромѣ того, существуютъ указанія, согласно съ которыми хлопчатникъ или подобныя ему растенія воздѣлывались также въ Финикіи, Египтѣ и Элидѣ. (Въ обозначеніи тканей бумажныхъ и полотняныхъ у древнихъ авторовъ строгаго различія часто не встрѣчаемъ: такъ, греческое слово βύσσος примѣняется одинаково къ тѣмъ и другимъ. Подъ словомъ ὀθόνη слѣдуетъ понимать не бумажную ткань, какъ думали прежде, но полотно; точно также словомъ σινδών обозначали не полотно, но скорѣе продолговатый кусокъ матеріи въ родѣ того, какимъ обвивались муміи — σινδὼν βυσσίνη).

Наконецъ, древнимъ были извѣстны также шелкъ и шелковидныя матеріи. Въ I в. по Р. Х. были введены въ Греціи и Римѣ китайскія шелковыя матеріи. Первое время ихъ вновь распускали, потому-ли, что ткань казалась слишкомъ тяжелою, или, быть можетъ, узоры не соотвѣтствовали вкусу. При передѣлкѣ шелковыя нити чередовались съ нитями льняными, бумажными или шерстяными: такимъ образомъ получалась ткань полушелковая; чисто шелковыя матеріи вошли въ употребленіе лишь въ началѣ III в. Впрочемъ, еще гораздо раньше встрѣчаемъ у грековъ шелкъ ассирійскій, который получался изъ кокона дикаго шелковичнаго червя (bombyx), при чемъ нити не сматывались, но соскабливались. Центромъ промышленности служилъ островъ Косъ: здѣсь частью перерабатывали ассирійскій сырой матеріалъ, частью же добывали нити изъ туземныхъ коконовъ. Эта промышленность существовала даже до времени Александра Маке-

донскаго: Аристотель говоритъ о ней, какъ о давно существовавшей. Въ столицѣ римскихъ императоровъ матеріи, изготовлявшіяся изъ подобныхъ нитей, представляли большую рѣдкость и цѣнились дорого; дѣлали ихъ настолько тонкими, что формы тѣла сквозь нихъ свободно просвѣчивали; вотъ почему женщины лучшаго общества этой одежды (coa vestis) не носили. (Ср. H. Blümner, Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, I стр. 89 и сл. и Marquardt-Mau, Privatleben der Römer, стр. 475 и сл.).

ОДЕЖДА ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

Описаніе отдѣльныхъ одѣяній.

Пеплосъ (Πέπλος).

(Табл. XVI, 1—3; XVII, 1).

Пеплосъ (гомеровское слово „эаносъ—ἑανός, εἱανός“ есть лишь другое обозначеніе той же одежды) былъ не что иное, какъ очень большой кусокъ шерстяной матеріи прямоугольной формы. Наравнѣ съ звѣриной шкурой, это—простѣйшій видъ одежды. Формою пеплоса объясняется, почему его называли также плащомъ—гиматіемъ (ἱμάτιον); съ другой стороны, простое покрывало обозначалось иногда словомъ пеплосъ. Такъ во дворцѣ Алкиноя тронныя кресла были покрыты прекрасными узорчатыми пеплосами тонкой работы; ими же завѣшаны были колесницы въ конюшнѣ Пандара; золотой ларь, гдѣ покоились останки Гектора, прикрытъ также мягкими пурпуровыми пеплосами. Если требовалось приспособить пеплосъ къ женской одеждѣ (см. схему 1), то длина куска матеріи должна была равняться приблизительно двойному разстоянію между кистями рукъ при ихъ горизонтальномъ положеніи, а ширина—превышать ростъ въ полтора раза. На станѣ отмѣрялся кусокъ, высота котораго соотвѣтствовала разстоянію отъ подошвы до основанія шеи; оставшуюся часть перегибали напередъ — такой отворотъ назывался апоптигмою (ἀπόπτυγμα) —, затѣмъ складывали весь кусокъ матеріи пополамъ (половины назывались крыльями — πτέρυγες) и притомъ такъ, чтобы отворотъ приходился снаружи. Одѣвали эту одежду такимъ образомъ, чтобы сплошная сторона приходилась слѣва, открытая же — справа; причемъ продольная средняя линія корпуса должна была совпасть съ осями обоихъ крыльевъ. Верхніе края послѣднихъ въ двухъ мѣстахъ, разстояніе которыхъ отъ середины равнялось приблизи-

тельно длинѣ плечъ, скрѣплялись посредствомъ булавокъ, застежекъ или пуговицъ (табл. XVI, 3). Соединенныя такимъ образомъ части лежали какъ разъ въ плечевыхъ углубленіяхъ между шеей и рукою, и матерія, сдвигаясь, составляла въ данныхъ мѣстахъ складки на груди и на спинѣ; вся остальная часть одежды ниспадала свободно. Съ лѣвой стороны вверху получалась такимъ образомъ довольно длинная пройма (прорѣзъ), въ которую продѣвалась рука. Другая сторона была совершенно открыта. Пеплосъ такого рода носили спартанскія дѣвушки даже и въ

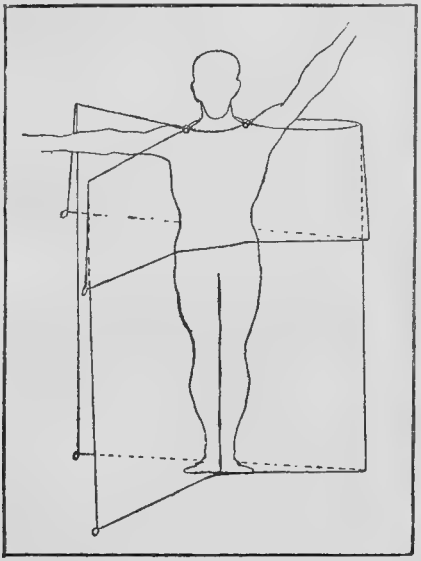


Схема 1. Пеплосъ.

Фиг. 2. Пеплосъ съ апоптигмою, подпоясанные вмѣстѣ.

позднѣйшее время, почему этотъ первоначальный его видъ и называли дорическою одеждою (ἐσθὴς Δωρίς; табл. XVI, 1). Къ четыремъ свободнымъ концамъ пеплоса (съ открытой, стало быть, правой стороны) привѣшивались для тяжести небольшія гирьки.

По желанію одежду подпоясывали, причемъ отворотъ-апоптигма или оставался свободнымъ, или тоже обвязывался поясомъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ былъ имѣть и соотвѣтствующую длину (ср. фиг. 2). Слишкомъ длинную одежду можно было подвязывать и подъ апоптигмою, образуя широкую пазуху въ родѣ обширнаго, опускавшагося складками напуска. Такимъ образомъ получалось очень красивое сочетаніе вертикально идущихъ складокъ нижней части пеплоса, гармонически соединявшихся съ изгибами отворота-апоптигмы, которые мѣнялись въ зависимости отъ малѣйшаго движенія (фиг. 3).

Во избѣжаніе однообразія придавали апоптигмѣ различную длину; очень короткій отворотъ встрѣчается рѣдко; чаще попадается длинный, причемъ въ однихъ случаяхъ нижняя его часть свѣшивается изъ-за пояса въ видѣ длиннаго напуска (какъ бы—мѣшка), въ другихъ апоптигма ниспадаетъ свободно. Длина нижней части одежды тоже могла быть различна, такъ что пеплосъ или волочился по землѣ, или доходилъ до пятъ; въ первомъ случаѣ Гомеръ называетъ женщину „влачащею платье (ἑλκεσίπεπλος)“, въ послѣднемъ — „съ длинными лодыжками (εὐσφυρος, τανύσφυρος)“. Наконецъ, размѣры пеплоса мѣнялись въ зависимости отъ общественнаго положенія и вкуса носившей эту одежду.

Фиг. 3. Пеплосъ, подпоясанный подъ апоптигмой.

Чтобы правая нога не обнажалась, сшивали открытую сторону снизу или до таліи (табл. XVI, 3), или до мышцы (табл. XVI, 2), какъ это, напримѣръ, было въ модѣ въ Коринѳѣ и въ Аѳинахъ, въ противоположность спартанскому обычаю; отсюда названія—пеплосъ коринѳскій и аттическій (πέπλος κορίνθιος и ἀττικός); иногда же крылья плотно сшивались вмѣстѣ, такъ что обѣ стороны были совершенно одинаковы, и пеплосъ собственно

терялъ свой основной характеръ мантіи: онъ обращался уже въ платье. Греки ясно различаютъ оба рода одежды: первый называется накидкою (ἐπίβλημα), второй—одеждою (ἔνδυμα).

Прикрыть тѣло можно было также хитономъ, который такимъ образомъ представлялъ собою одежду исподнюю (табл. XVII, 1); при этомъ родѣ костюма, какъ нельзя лучше, обнаруживается первоначальный характеръ пеплоса, напоминающаго собою мантію: стоитъ лишь отстегнуть застежку на лѣвомъ плечѣ и получается форма плаща, извѣстнаго подъ названіемъ хлены.

Что типичнымъ матеріаломъ для пеплоса служила шерсть, узнаемъ не изъ Гомера, у котораго въ этомъ отношеніи не имѣется указаній, но изъ Геродота (см. историческій отдѣлъ). Прослѣдить это можно также и на художественныхъ изображеніяхъ, относящихся къ тому времени, когда художники научились характеризовать матеріи, придавая имъ тотъ или другой внѣшній видъ, ту или другую форму складокъ. Встрѣчаются пеплосы, которые ниспадаютъ тяжелыми, широкими складками, какія возможны лишь при условіи, если одежда приготовлена изъ войлокообразной матеріи; другіе, наоборотъ, обнаруживаютъ всѣ характерныя черты болѣе легкой матеріи, начиная съ фланели и кончая самой тонкой кисейнообразной тканью. Въ обыденной жизни, конечно, мѣняли одежды, сообразуясь съ временемъ года.

Гомеръ очень часто называетъ пеплосъ пестрымъ, узорчатымъ (ποικίλος, παμποικίλος). Розоперстая Эосъ подымается на небо въ пеплосѣ шафраннаго цвѣта (κροκόπεπλος); Латона и тоскующая по дочери Деметра облечены въ пеплосъ темносиняго цвѣта (κυανόπεπλος). Изображенія на древнихъ вазахъ представляютъ намъ образцы пеплоса, края котораго, а нерѣдко и воротъ, украшены полосами въ видѣ пышныхъ узоровъ (въ стилѣ меандрійскомъ, зигзагами и т. п.). Во многихъ случаяхъ видимъ спереди широкую полосу, которая спускается сверху внизъ по серединѣ апоптигмы и нижней части одежды; часто встрѣчаются горизонтальныя, богато разукрашенныя полосы, восходящія снизу до таліи, иногда же и до самаго верха; мотивами служатъ пальмовыя вѣтки или фигуры, какъ, напримѣръ, изображенія участвующихъ въ процессіяхъ боговъ на колесницахъ (табл. XVI, 2).

Скрѣпленіе на плечахъ совершалось бо́льшею частью такъ, что верхній край матеріи, прикрывавшей спину, заходилъ на

плечо и ложился на передній кусокъ (фиг. 4а). Такимъ образомъ объясняются слова Гомера (Ил. XIV, 180), который говоритъ, что одежда Геры скрѣплялась на груди золотыми булавками (χρυσείῃς δ'ἐνετῇσι κατὰ στῆθος περονᾶτο):

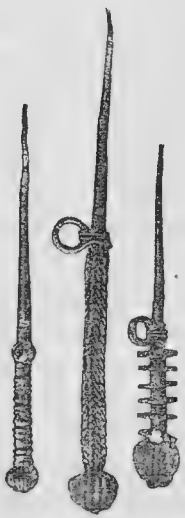
Платье златыми застежками выше грудей застегнула"...

Такъ же объясняется и то мѣсто изъ „Трахинянокъ" Софокла, гдѣ Деянира разстегиваетъ пеплосъ на груди, заколотый золотою булавкою.

Фиг. 4а. Скрѣпленіе 2 кусковъ матеріи, составл. платье.

Скрѣплялась одежда или булавками (περόναι, περονίδες, ἐνεταί) или пряжками, фибулами (πόρπαι и περόναι κλῃῖσιν εὐγνάμπτοις ἀραρυῖαι; ср. Од. XVIII, 293—4: булавки, которыхъ конецъ защемленъ былъ въ дугообразную петлю), впослѣдствіи также кнопками и пуговицами. Изображенія булавокъ ясно видимъ на различныхъ вазовыхъ рисункахъ.

Въ недавнее время подобныя булавки найдены въ разныхъ мѣстахъ древняго міра (фиг. 4b). Нѣкоторыя напоминаютъ собою небольшіе кинжалы. О нихъ идетъ рѣчь въ извѣстномъ разсказѣ Геродота, съ которымъ познакомимся ниже въ историческомъ отдѣлѣ. Въ извѣстной трагедіи Софокла—Эдипъ-царь герой въ отчаяніи выкалываетъ себѣ глаза подобными булавками, которыя вынимаетъ изъ платья повѣсившейся Іокасты. Всѣ изображенія ясно показываютъ, что эти булавки продѣты снизу вверхъ сквозь четыре слоя матеріи (считая и двѣ апоптигмы): такимъ образомъ онѣ обращены головками внизъ, острымъ же концомъ — вверхъ и торчатъ надъ плечомъ (табл. XVI, 2; рис. 4а). На первый взглядъ это представляется неудобнымъ: казалось бы, что головка своею тяжестью должна была заставить булавку выпасть. Данное обстоятельство однако служитъ какъ разъ новымъ доказательствомъ того, что пеплосъ приготовлялся изъ шерсти, такъ какъ булавка могла держаться только въ этой матеріи и притомъ лишь



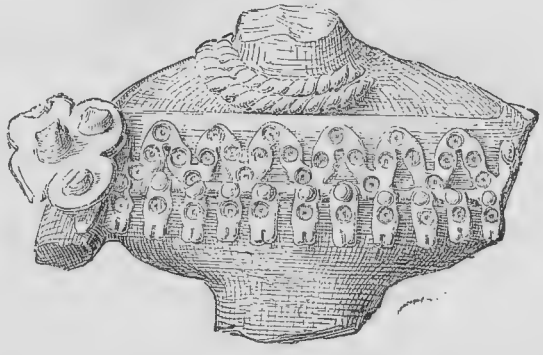
Фиг. 4б. Булавки.

въ случаѣ ея плотности, войлокообразности. Съ другой стороны, выдающіеся острые концы булавокъ при неумѣстныхъ ласкахъ являлись до извѣстной степени опасными. Такимъ образомъ объясняются насмѣшливыя слова Аѳины (Ил. V, 422 и сл.), съ которыми она обращается къ раненой Діомедомъ Афродитѣ:

Видно, ласкаясь къ какой-то гречанкѣ, въ пеплосъ одѣтой,
О золотую иглу оцарапала нѣжную руку.

Археологическія находки доказываютъ, впрочемъ, что на острый конецъ булавки надѣвался, по желанію, тупой костяной наконечникъ, какъ и въ настоящее время подобное приспособленіе встрѣчается иногда на шпилькахъ, которыми прикалываются дамскія шляпы.

Къ нѣкоторымъ изъ этихъ булавокъ, какъ видно на экземплярахъ, найденныхъ на островѣ Кипрѣ (ср. фиг. 4б), прикрѣплялось сбоку, недалеко отъ головки, небольшое колечко. Назначеніе его видно изъ рисунка на вазѣ Франсуа (фиг. 4а): къ кольцу придѣлывали цѣпочку, которая, вися на двухъ булавкахъ, облегала такимъ образомъ грудь; эта цѣпочка предотвращала возможность потери одной изъ булавокъ. Точно такъ же соединялись и пряжки (бляхи), какъ показываютъ остатки древнихъ терракотовыхъ статуэтокъ, найденныхъ недавно въ святилищѣ Геры въ Аргосѣ (ср. напр., фиг. 5).



Фиг. 5. Цѣпочка на груди, соединяющая пряжки.

Такъ какъ булавки не всегда держались прочно и часто причиняли пораненія, то рано уже стали ихъ загибать въ дужки,

заканчивавшіяся крючкомъ, въ который защемляли острый конецъ булавки, чѣмъ въ то же время устранялась и возможность ея выпаденія. Такимъ образомъ возникла фибула — особаго рода булавка, прототипъ нашей такъ называемой „англійской“. Древніе мастера приготовляли фибулы всевозможныхъ размѣровъ, снабжая ихъ самыми разнообразными украшеніями, смотря по времени и вкусу, мѣстному и личному (фиг. 6).

Фиг. 6. Фибулы.

Антиной въ Одиссеѣ велитъ принести въ даръ Пенелопѣ большой узорчатый пеплосъ отмѣнной красоты съ 12 фибулами (Од. XVIII, 292 и сл.). Отсюда можемъ вывести заключеніе, что фибулами пользовались не только для скрѣпленія одежды на плечахъ, но и для другихъ цѣлей. На одной вазѣ видимъ изображеніе сидящей на быкѣ Европы въ пеплосѣ, при чемъ

Фиг. 7. Пеплосъ, скрѣпленный нѣсколькими булавками.

булавки оказываются не только на плечахъ, но и на плечевинахъ, т. е. верхнихъ частяхъ рукъ (фиг. 7). Такъ могли пользоваться и вышеупомянутыми фибулами.

(Заканчивая данный отдѣлъ, обратимъ вниманіе на то, что оба гомеровскихъ эпитета—βαθύζωνος и βαθύκολπος—указываютъ не на своеобразный характеръ костюма, а на отличительныя черты женскаго стана. Первый означаетъ приблизительно—„съ таліей стройной“: поясъ глубоко охватывалъ талію, вслѣдствіе чего грудь и бедра рѣзко обрисовывались; второй — „съ грудью высокою“; ср. стр. 31).

Хитонъ (Χιτών):

1 Женскій хитонъ.

(Табл. XVI, 4—6; XVII).

Покрой другого исподняго одѣянія греческихъ женщинъ — хитона можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ (см. схему 2). Брали два куска матеріи, вдвое уже, чѣмъ для пеплоса, и короче, но немного длиннѣе роста носительницы. Эти куски клали одинъ на другой и сшивали боковыя стороны на три четверти ихъ длины, считая снизу. Верхній край дѣлился на три равныя части; двѣ крайнія скрѣплялись посредствомъ шва или небольшихъ пуговицъ съ петлями. Такимъ боразомъ получалось мѣшкообразное платье, которое надѣвалось такъ, что голова просовывалась черезъ верхнее отверстіе, а руки—черезъ оба боковыя (оттого оно и называется одеждою—ἔνδυμα). Если подпоясывались, то ниже плечъ получался пышный напускъ со складками. Смотря по длинѣ одѣянія, перепоясывали хитонъ еще разъ по-выше, поверхъ напуска (табл. XVI, 6). О положеніи пояса будетъ рѣчь ниже —

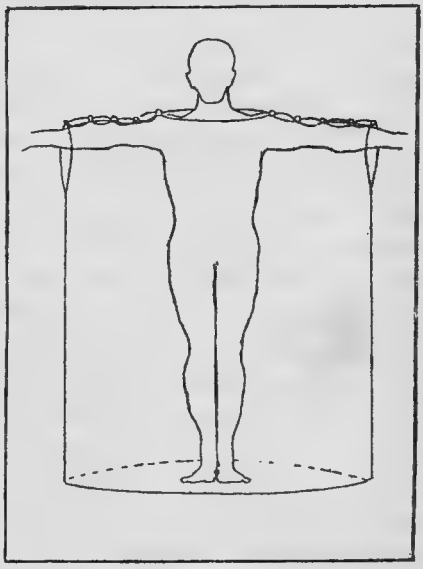


Схема 2. Женскій пеплосъ.

въ историческомъ отдѣлѣ). Употребляли также и двойной поясъ для подбиранія одежды, чтобы не стѣснять свободы движеній (табл. XVII, 3). Если хитонъ доходилъ до пятъ (ποδήρης), то назывался соразмѣрнымъ (συμμετρία); если же онъ касался земли, образуя внизу складки, то назывался хитономъ со складками (στολιδωτός); если волочился, то — влачащимся (συρτός). При слишкомъ великомъ отверстіи для головы, одежда могла легко спадать съ одного плеча. Во избѣжаніе этого пользовались шнуркомъ, который или обвивалъ плечи и, проходя подъ руками, скрѣплялся крестообразно на спинѣ (XVII, 4), или же перекрещивалъ не только спину, но и грудь.

Матеріаломъ для хитона служило полотно, какъ можно судить по упоминаніямъ у древнихъ авторовъ (см. историческій отдѣлъ) и на основаніи способа изображенія этой одежды художниками.

Судя по разнообразнымъ показаніямъ древнихъ авторовъ и по раскрашеннымъ памятникамъ, къ каковымъ въ особенности относятся живописныя изображенія и терракотовыя статуэтки, можно съ увѣренностью сказать, что матерія хитона не всегда сохраняла свой натуральный цвѣтъ, но окрашивалась въ цвѣта всевозможныхъ оттѣнковъ. Особенную роль въ женскомъ костюмѣ игралъ праздничный хитонъ шафраннаго цвѣта; еще въ позднее время онъ составлялъ отдѣльную часть приданаго греческой женщины въ Египтѣ, какъ подтвердили недавно найденные свертки папируса. Верхній и нижній край хитона украшался часто пестрыми полосками, при чемъ пурпуровый цвѣтъ пользовался предпочтеніемъ. Въ древнѣйшее время край ворота обшивался широкою каймою (табл. XVII, 2); въ эллинистическую эпоху это опять вошло въ моду (табл. XVI, 4). Въ ту же эпоху встрѣчаемъ по краямъ разрѣза на рукахъ, вдоль застежекъ, — полосу, какъ и выше у ворота (табл. XVII, 2). Наконецъ, извѣстно, что нѣкоторые хитоны были украшены пышными цвѣточными узорами въ томъ или другомъ стилѣ, крупными или мелкими, шитыми золотомъ и цвѣтными нитями (ср. фиг. 8). Кто носилъ трауръ, надѣвалъ темный хитонъ безъ украшеній.

На ряду съ этой формой хитона существовала еще другая,

которая отличалась только тѣмъ, что оставляла руки совершенно обнаженными; стало быть, это была попросту рубашка съ широкимъ воротомъ, безъ рукавовъ (табл. XVI, 5). Такой хитонъ первоначально, повидимому, носили, какъ сорочку, прикрывая его пеплосомъ или другимъ хитономъ. Въ эллинистическую, однако, эпоху, когда стали обращать болѣе вниманія на внѣшность, и когда у женщинъ возросла потребность выказывать свою красоту, тогда забросили совершенно верхній хитонъ,

Фиг. 8. Расшитые хитоны.

который своими пышными складками скрывалъ мышцы и талію, и ограничились однимъ нижнимъ хитономъ, такъ какъ онъ со всѣхъ сторонъ плотно облегалъ тѣло (табл. XVI, 4). Поясъ, какъ и во времена французской имперіи, носили очень высоко, а воротъ, какъ только-что сказано, обшивали тесьмой. Платье плотно облегало грудь, которая такимъ образомъ была заключена между воротомъ и поясомъ; бедра рѣзко обрисовывались подъ длинными, спускавшимися до-низу простыми складками одѣянія. Нижнюю часть хитона дѣлали шире, вставляя, быть можетъ, клинья, такъ что онъ ниспадалъ въ видѣ многочисленныхъ широкихъ, сдвигавшихся и расходившихся на подобіе вѣера складокъ. На плечахъ обѣ стороны часто скрѣпля-

Тоб. Окр. б-ка № 13426
Библиотека музея-заповедника инв. № 524

лись тонкими, крученными шнурками или фибулами болѣе широкой формы, богато украшенными золотомъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что и въ древности носили хитоны съ длинными, трубкообразными рукавами, (χειριδωτὸς χιτών: табл. XVII, 5); фасонъ этотъ, однако, былъ занесенъ съ востока (ср. историческій отдѣлъ) и представлялъ собою, съ одной стороны, одѣяніе иноземныхъ рабовъ и ра-

Фиг. 9. Хитонъ рабыни съ рукавами.

бынь (см. фиг. 9), съ другой же стороны онъ служилъ для свободнаго класса до послѣдняго времени римской имперіи предметомъ роскоши, и на живописныхъ изображеніяхъ представлялся всегда богато разукрашеннымъ (ср. образъ Медеи на фиг. 8). О его роли въ костюмѣ актеровъ и киѳаредовъ будетъ рѣчь ниже, въ историческомъ отдѣлѣ.

2. Мужской хитонъ.

(Табл. XVIII, 1—3).

Въ Иліадѣ дважды встрѣчается слѣдующее описаніе одѣянія Аѳины, въ которое она облекается, готовясь выступить въ бой (V, 733—7 = VIII, 384—8):

Зевса эгидодержавнаго дочь, богиня Аѳина,
Мягкій пеплосъ въ чертогахъ отца съ своихъ плечъ опустила,
Трудолюбивой рукой ея вышитый пестрымъ узоромъ,
И, въ хитонъ собирателя тучъ Зевеса одѣвшись,
Начала вооружаться, въ бой собираясь плачевный.

Въ двухъ другихъ мѣстахъ іоняне называются одѣтыми въ длинные, влачащіеся по землѣ хитоны (ἑλκεχίτωνες). Поэтъ VI в. до Р. Х. Асій начинаетъ описаніе торжественнаго собранія на островѣ Самосѣ слѣдующими стихами:

Такъ распустивши свои волоса, подходить они стали
Къ округу Геры священному, въ пышныя платья облекшись;
Ихъ бѣлоснѣжныхъ хитоновъ края по землѣ волочились.

Наконецъ, Павсаній (I, 19) приводитъ приблизительно такой разсказъ о молодомъ Ѳесеѣ. Въ Аѳинахъ находится храмъ, посвященный Аполлону-Дельфинію. Въ то время, когда рабочіе, строившіе этотъ храмъ, ставили уже стропила, явился въ городъ Ѳесей, котораго тамъ никто еще не зналъ. На немъ былъ длинный хитонъ, и волосы были изящно связаны. Издѣваясь надъ юношей, каменщики спросили, зачѣмъ взрослая дѣвушка гуляетъ одна. Ѳесей не отвѣтилъ ни слова, но отпрягъ быковъ отъ ближайшей телѣги и подбросилъ ихъ вверхъ выше стропилъ.

Изъ всего этого можно заключить, что въ древнее время въ Греціи какъ молодые люди, такъ и старики носили длинные хитоны. Въ противоположность пеплосу, напоминавшему собою плащъ, его не накидывали, но надѣвали, какъ это ясно видно изъ приведенныхъ выше стиховъ (ср. схему 3). Въ историческомъ отдѣлѣ увидимъ, до какого времени сохранялась эта мода, и откуда она явилась. Асій говоритъ, что хитоны были бѣлоснѣжные. Это, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ изображенія на древнихъ вазахъ, расписанныхъ черными фигурами: на мужскихъ

силуэтахъ часто попадается тутъ длинный хитонъ бѣлаго цвѣта, покрой котораго совершенно сходенъ съ покроемъ женскаго хитона, оставлявшаго руки обнаженными, или прикрываетъ еще половину плечевинъ; въ послѣднемъ случаѣ на верхній шовъ и воротъ нашивались полоски. Подпоясываніе этого хитона не было въ обычаѣ; нижній его край доходилъ до пятъ и, по желанію, обшивался каймою (табл. XVIII, 2).

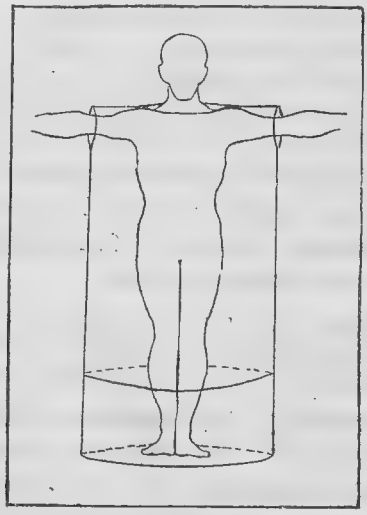


Схема 3. Мужской хитонъ.

Относительно матеріала, изъ котораго изготовлялся такой хитонъ, Гомеръ прямыхъ указаній не даетъ; можно, однако, заключить о немъ на основаніи различныхъ намековъ. Такъ, напримѣръ, эпитеты — „блестящій (σιγαλόεις)“ и „недавно сдѣланный (νηγάτεος)“ указываютъ на лоснящійся видъ матеріи. Слѣдуетъ припомнить, что у феаковъ дѣвушки пользовались масломъ для выдѣлки полотна, и что хитоны изображенныхъ на Ахилловомъ щитѣ молодыхъ людей, исполняющихъ танецъ, представлены лоснящимися отъ масла (см. стр. 5).

Что уже въ гомеровскую эпоху на ряду съ этимъ длиннымъ хитономъ, мужчины, по крайней мѣрѣ—по-моложе носили и короткій, совершенно понятно: длинная одежда должна была, есте-

ственно, стѣснять свободу движеній, подпоясываніе же, которое примѣняли при случаѣ, не всегда достигало желаемой цѣли. Изъ одного мѣста Иліады (IV, 146 и сл.) видно ясно, что подъ панцыремъ носили короткую одежду: раненый спереди въ поясъ Менелай видитъ, какъ кровь у него течетъ по бедрамъ, голенямъ и пяткамъ, что возможно, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если эти части тѣла не были прикрыты одеждою.

Въ XIV пѣснѣ Одиссеи (ст. 468 и сл.) переодѣтый нищимъ Одиссей разсказываетъ Евмею, какъ онъ однажды подъ Троей сидѣлъ въ засадѣ. Ночью неожиданно наступилъ морозъ; въ то время какъ на другихъ были хитоны и хлены, онъ самъ имѣлъ на себѣ лишь лоснящійся з а п о н ъ-з о м у (ζῶμα); далѣе Одиссей упоминаетъ, что подъ утро боялся замерзнуть, такъ какъ не имѣлъ хлены, но былъ одѣтъ только въ хитонъ (οἰοχίτων—ст. 489): послѣдній, стало быть, тождественъ съ приведеннымъ выше (ст. 482) запономъ (ζῶμα). Конечно, упоминаемый запонъ-зома былъ короткій, какъ это только и мыслимо при подобныхъ обстоятельствахъ. Возможно, что слово „зома“ обозначало первоначально передникъ, который, какъ слѣдуетъ предположить, составлялъ необходимую принадлежность первобытнаго костюма (ср. историческій отдѣлъ). Въ связи съ этимъ словомъ находится, очевидно, еще другое, которое разъ (VI, 38) встрѣчается въ Одиссеѣ; это—зостронъ (ζῶστρον). Аѳина совѣтуетъ Навсикаѣ попросить у отца колесницу, чтобы взять всѣ повязки, покровы и разныя платья. Такъ какъ Навсикая оправдываетъ свою просьбу тѣмъ, что отцу и братьямъ нуженъ обильный запасъ чистыхъ одѣяній, и такъ какъ она даетъ потомъ Одиссею хитонъ, то отсюда можно бы вывести заключеніе, что названныя на ряду съ женскими пеплосами „повязки-зостры (ζῶστρα)“ представляютъ собою мужскіе хитоны. Въ позднѣйшее время короткій, просто или дважды подпоясанный хитонъ составлялъ обычную нижнюю одежду грека (табл. XVIII, 1; схема 3). Какъ и длинный хитонъ, онъ или прикрывалъ только верхнюю часть плечевинъ, или оставлялъ руки совершенно обнаженными.

Упоминанія авторовъ и памятники доказываютъ, что мужскіе хитоны отличались такою же пестротою, какъ и женскіе; подобно послѣднимъ, они украшались по краямъ каймой (см. пышно расшитые хитоны, фиг. 8). Какъ на особенность, слѣ-

дуетъ указать на хитонъ ярко-краснаго цвѣта, который лакедемоняне носили на войнѣ; въ немъ ихъ и хоронили.

Часто встрѣчаемъ мужскія фигуры, у которыхъ лишь лѣвое плечо прикрыто хитономъ. Этого достигали двоякимъ способомъ: или съ самаго начала оба куска съ правой стороны сшивались снизу до пояса (см. схему 4), или продѣвали правую руку вмѣстѣ съ плечомъ не черезъ боковую пройму, а черезъ отверстіе для шеи. Такъ какъ одно плечо, благодаря этому, обнажалось, то такую одежду называли эксомидою или хитономъ съ однимъ рукавомъ (ἐξωμίς или ἑτερομάσχαλος χιτών) (табл. XVIII, 3). (Тотъ хитонъ, который прикрывалъ оба плеча, назывался, въ противоположность первому, ἀμφιμάσχαλος χιτών; табл. XVIII, 1). Эксомиду носили воины, моряки и ремесленники, которымъ много приходилось работать правой рукой; въ этомъ же одѣяніи изображался и божественный кузнецъ Гефестъ.

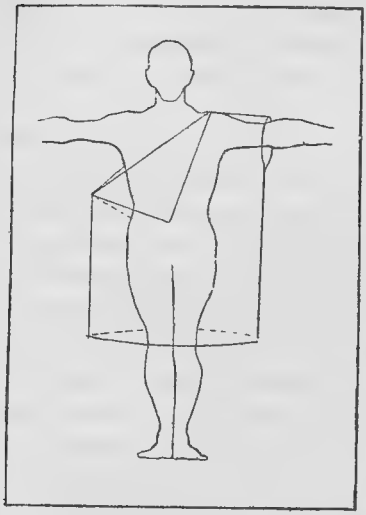


Схема 4. Эксомида.

Плотность матеріи мѣнялась сообразно съ временемъ года. Эксомиду приготовляли, вѣроятно, изъ грубаго тика.

Гиматій, Фаросъ (Ἱμάτιον, Φᾶρος).

(Табл. XVI, 5; XVII, 4, 6; XVIII, 5).

Гиматій представлялъ изъ себя большой кусокъ матеріи прямоугольной формы и приблизительно такой же величины, какъ и пеплосъ; его носили, какъ мантію или плащъ, и мужчины и женщины. Одѣвали гиматій или такимъ образомъ, чтобы оба конца съ правой и лѣвой стороны равномѣрно перекидывались изъ-за спины черезъ плечи и руки (симметричный способъ ношенія мантіи), или

оставляли одинъ конецъ на лѣвомъ плечѣ, а остальнымъ всѣмъ кускомъ прикрывали спину и правый бокъ (въ послѣднемъ случаѣ замѣчается много разнообразія) и наконецъ, тотъ кусокъ, который держали въ правой рукѣ, перекидывали обратно черезъ лѣвое плечо или черезъ лѣвое предплечіе, т. е., нижнюю часть лѣвой руки, которую въ такомъ случаѣ приходилось держать приподнятою. Вкусу каждаго отдѣльнаго лица въ неограниченной степени предоставлялась возможность придавать разнообразіе надѣванію

Фиг. 10. Софоклъ въ гиматіи.

Фиг. 11. Демосоенъ въ гиматіи.

гиматія. Для художника указанное разнообразіе было крайне выгодно въ томъ отношеніи, что онъ могъ самымъ наглядным образомъ характеризовать любое лицо, придавая одеждѣ послѣдняго тотъ или другой видъ—преимущество, котораго современный художникъ вслѣдствіе однообразія нашего костюма лишенъ совершенно. Свѣтскаго человѣка со вкусомъ можно было узнать по благородному виду, который онъ придавалъ своему костюму. Прекраснымъ подтвержденіемъ сказанному служитъ статуя Софокла (фиг. 10), съ которой слѣдуетъ сравнить статую Демосѳена (фиг. 11). Образецъ на нашей таблицѣ (XVIII, 5) соотвѣтствуетъ

другимъ статуямъ, которыя также изображаютъ знатныхъ грековъ классической эпохи.

Еще болѣе разнообразія, чѣмъ мужчины, могли придавать способу одѣванія гиматія—женщины, выказывая этимъ свою грацію. Свидѣтельствомъ тому служатъ многія мраморныя статуи и картины, въ особенности же безчисленное множество прелестныхъ терракотовыхъ статуэтокъ изъ Танагры. Правое плечо вмѣстѣ съ рукой можно было прикрыть совершенно (табл. XVII, 4), оставляя свободною только кисть (табл. XVII, 4, 6); или, загибая гиматій подъ правою рукою, подбирали спереди его верхній край и перекидывали вмѣстѣ со свободнымъ концомъ черезъ лѣвое плечо, такъ что одежда широкою полосою косо облегала грудь (фиг. 12). Этотъ способъ бывалъ особенно живописенъ, если подкладка, виднѣвшаяся вверху у лѣваго плеча, гдѣ часть гиматія отгибалась напередъ, была другого цвѣта, чѣмъ лицевая сторона. Бывало и такъ, что часть одежды, переброшенной назадъ за лѣвое плечо, закидывали потомъ напередъ; или прикрывали мантіей спереди только нижнюю часть корпуса, причемъ конецъ платья могъ свѣшиваться съ этой же стороны треугольникомъ (табл. XX, 2, 5) и т. д. Во времена Перикла и приблизительно еще 50 лѣтъ спустя встрѣчаются примѣры того, что два конца гиматія (который въ такомъ случаѣ былъ не особенно великъ) лежатъ на плечахъ, а главная его часть ниспадаетъ вдоль спины, служа такимъ образомъ прекрасныхъ фономъ, обрисовывающимъ станъ (фиг. 3). Это—послѣдній остатокъ того симметричнаго костюма, при которомъ концы перетягивались черезъ оба плеча. Если гиматій носили

Фиг. 12. Женскій гиматій.

поверхъ пеплоса, то оба его конца скрѣплялись на плечахъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ послѣднимъ въ однѣхъ и тѣхъ же точкахъ. При выходѣ изъ дому женщина прикрывала гиматіемъ голову сзади, пользуясь имъ, слѣдовательно, какъ платкомъ (табл. XVII, 6). Мужчина поступалъ такъ лишь въ случаѣ глубокой скорби, какъ Одиссей на пиру у Алкиноя, когда желалъ скрыть свои слезы. Невѣста являлась тоже съ прикрытымъ лицомъ. У себя дома греки гиматія не носили.

Слѣдуетъ еще добавить, что гиматіемъ пользовались только въ городѣ; за его предѣлами, въ дорогѣ и въ полѣ вмѣсто гиматія носили хлену или хламиду. Было бы поэтому ошибочно, еслибы мы представили себѣ въ гиматіи кого-либо изъ лицъ, выступающихъ въ „Филоктетѣ“ Софокла или въ его „Эдипѣ Колонскомъ“. Въ „Эдипѣ-царѣ“ Креонтъ сначала, по всей вѣроятности, появляется въ хленѣ, второй разъ — въ гиматіи; въ хленѣ можно представить въ упомянутой трагедіи вѣстника изъ Коринѳа и пастуха (ср. табл. XVIII, 4), въ гиматіи — царя, жреца Зевса, Тиресія и хоръ, между тѣмъ, какъ слуга здѣсь, согласно принятому тогда обычаю, является безъ плаща. Точное разграниченіе костюмовъ слѣдовало бы принимать во вниманіе и при современной постановкѣ пьесъ. Такимъ образомъ картина на сценѣ получаетъ не только разнообразіе, но удается достигнуть и того, что каждое лицо уже своею внѣшностью производитъ тотчасъ, при своемъ появленіи, извѣстное впечатлѣніе, соотвѣтствующее его характеру или типу. При маломъ числѣ дѣйствующихъ въ древней трагедіи лицъ и при условіи представленія скорѣе типовъ, нежели отдѣльныхъ личностей, такое разграниченіе еще важнѣе, чѣмъ въ современной драмѣ съ ея пестрою толпою чисто индивидуальныхъ личностей и самостоятельныхъ характеровъ.

У Гомера терминъ „гиматій (ἱμάτιον)“ еще не встрѣчается; соотвѣтствующая ему одежда называется ф а р о с о м ъ (φᾶρος). Стереотипное описаніе пріемовъ накидыванія его на плечи показываетъ, что способъ ношенія этой мантіи отличался тѣмъ же симметричнымъ характеромъ, о которомъ у насъ рѣчь была выше; въ томъ же видѣ встрѣчаемъ его и на древнѣйшихъ вазовыхъ изображеніяхъ. Не подлежитъ во всякомъ случаѣ сомнѣнію, что фаросъ носили только лица зажиточныя; болѣе же простой плащъ

въ гомеровскомъ мірѣ представляетъ собою хлена (χλαῖνα), о которой скажемъ ниже. Матеріаломъ для фароса служило, по всей вѣроятности, полотно: поэтъ восхваляетъ тонкость ткани и ослѣпительную бѣлизну этого одѣянія. Но на ряду съ мантіями серебристаго цвѣта, напоминавшими блескомъ своимъ лунный и солнечный свѣтъ, существовали еще пурпуровыя. На одномъ вазовомъ рисункѣ (фиг. 1) видимъ изображеніе Пенелопы за ткацкимъ станкомъ: она занята тутъ приготовленіемъ фароса. Упоминаніе у Гомера, что Калипсо одѣвается въ фаросъ и обвязываетъ его при этомъ поясомъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что нимфа накидывала его на подобіе пеплоса; она же даетъ затѣмъ Одиссею фаросы въ качествѣ парусовъ для его плота.

По изображеніямъ гиматія въ позднѣйшее время можно заключить, что мужчины носили всегда шерстяные, женщины же, смотря по вкусу, общественному положенію и времени года, — шерстяные или полотняные, сукончатые или тонкіе, просвѣчивавшіе гиматіи. По цвѣту и узорамъ, судя по стѣнной живописи и терракотовымъ фигурамъ, гиматіи и фаросы отличались такою же яркостью и такимъ же разнообразіемъ, какъ и всѣ прочія одѣянія, входившія въ составъ древняго костюма.

Хлена; хланида (Χλαῖνα; Χλανίς).

(Табл. XVII, 3, 5; XVIII, 4; XVI, 4).

На ряду съ фаросомъ упоминается у Гомера еще другого рода плащъ — хлена (χλαῖνα); тѣмъ же словомъ обозначается вообще покрывало. Это былъ кусокъ плотной матеріи большихъ размѣровъ, который носили для защиты отъ вѣтра и холода, застегивая его булавкой или пряжкой. Хлена представляетъ собою одѣяніе, своимъ матеріаломъ и способомъ ношенія напоминающее пеплосъ. Въ самомъ дѣлѣ, на памятникахъ позднѣйшаго времени встрѣчаются изображенія плаща, надѣтаго какъ бы пеплосъ. Такимъ образомъ, приблизительно третья часть матеріи отгибается наружу, какъ апоптигма пеплоса; далѣе, облегая тѣло съ лѣваго боку, она или прикрываетъ лѣвую руку (табл. XVIII, 4), или оставляетъ ее обнаженною (табл. XVII, 3). Затѣмъ

въ двухъ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отогнутаго края, на разстояніи приблизительно полъ-руки отъ каждаго конца, края этого плаща соединялись на правомъ плечѣ булавкою, имѣвшей большею частью раньше описанный кинжалообразный видъ съ торчащимъ вверхъ остріемъ, какъ это было и при пеплосѣ. Вся хлена, стало быть, какъ и пеплосъ, имѣла форму прямоугольника, только меньшихъ размѣровъ. Такова была обычная форма хлены; но встрѣчается и другая; такъ, напримѣръ, на мраморной статуѣ, по которой нарисована фигура 3 на таблицѣ XVII покрой плаща имѣетъ, очевидно, форму полукруга, причемъ прямая его сторона сверху отогнута. Мы встрѣтимся съ этой формой еще разъ при описаніи хланиды и римской тоги. Разные виды женской хлены (табл. XVII, 2) будутъ описаны въ историческомъ отдѣлѣ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что изображенія женщинъ въ хленахъ встрѣчаются рѣдко: это одѣяніе было въ модѣ только въ извѣстныхъ кругахъ, въ извѣстное время, и попадается почти исключительно на изображеніяхъ миѳическихъ героевъ. Въ общемъ можно сказать, что хлена сохранилась и въ послѣ-гомеровское время, какъ особый костюмъ мужчины, преимущественно въ Спартѣ, гдѣ и пеплосъ дѣвушекъ не измѣнилъ своего первоначальнаго вида. Здѣсь хлену называли трибономъ (τρίβων). Такое одѣяніе носилъ философъ Антисѳенъ, а отъ него оно перешло къ послѣдователямъ основанной имъ школы циниковъ, сдѣлавшись характерною одеждою послѣднихъ. Между тѣмъ какъ въ одеждѣ циниковъ хлена служитъ признакомъ самой строгой простоты, у киѳаредовъ она получаетъ пестрый видъ: роскошь красокъ и богатство отдѣлки вмѣстѣ съ обиліемъ складокъ должны были придавать лицу, на которое была накинута хлена, видъ почтенный и внушительный (табл. XVII, 5). Уже Гомеръ при случаѣ подчеркиваетъ живость красокъ хлены: Андромаха ткетъ хлену пурпуроваго цвѣта, украшая ее пестрыми узорами въ видѣ цвѣтовъ (Ил. XXII, 441); Елена украшаетъ хлену сценами изъ троянской войны (Ил. III, 125 и сл.). Въ обоихъ только-что упомянутыхъ мѣстахъ поэмы хлена названа двойною (δίπλαξ), потому что сложена вдвое и имѣетъ отворотъ—апоптигму. Изъ другихъ мѣстъ Иліады заключаемъ, что на ряду съ двойными хленами носили еще простыя (ἁπλοΐδες), т. е. хлены безъ отворота. Такія хлены были короче и, собственно, ничѣмъ не отличались отъ

накидки или хланиды, о которой у насъ сейчасъ будетъ рѣчь. Простую хлену можно было собрать въ сборку въ ея длину и носить, какъ нашъ пледъ, накинувъ на спину и перетянувъ концы черезъ оба плеча. Такъ носили хлену женщины, причемъ въ послѣднемъ случаѣ ея размѣры бывали меньше, и матеріалъ выбирался по-лучше. Подобную хлену—шаль называли хланидою (χλανίς). Извѣстно, что хланиду посылала невѣста своему жениху утромъ въ день свадьбы. Изображеніе хланиды видимъ на таблицѣ XVI (4), гдѣ она окаймлена бахромой. Есть еще другія, уменьшительныя названія для малой хлены, какъ, напримѣръ, хланидій (χλανίδιον). Въ такомъ хланидіи является на сцену Адрастъ въ трагедіи Еврипида „Умоляющія (Ἱκέτιδες)“ (ст. 110); соотвѣтственно этому, и весь остальной его костюмъ былъ дорогимъ и изысканнымъ, какъ этого требовалъ тщеславный, славолюбивый, опрометчивый характеръ даннаго лица. При такомъ одѣяніи сильное впечатлѣніе должно было производить противорѣчіе между пышностью внѣшняго облика и душевнымъ отчаяніемъ царя.

Хламида (Χλαμύς).

(Табл. XVIII, 6).

Хламида представляла собою простой шерстяной плащъ, который совершенно прикрывалъ лѣвое плечо и лѣвую руку и застегивался на правомъ плечѣ. Это одѣяніе было первоначально распространено только въ сѣверной Греціи, особенно въ Θессаліи. Развѣваясь свободно, оно служило здѣсь всаднику легкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно теплымъ плащомъ. Отсюда хламида перешла въ видѣ спеціальнаго костюма всадниковъ, воиновъ, охотниковъ и доблестной молодежи—въ Аѳины и Спарту. Если молодой аѳинянинъ вступалъ въ юношескій возрастъ (ἔφηβος), то о немъ говорили: „онъ начинаетъ носить хламиду“; напротивъ того, мальчики (внѣ дома—напримѣръ, въ школѣ) представлены на вазовыхъ изображеніяхъ не въ хламидахъ, но въ большихъ плащахъ. Подобно смертнымъ эфебамъ, носитъ хламиду и Гермесъ, ихъ божественный первообразъ, при чемъ на богѣ ви-

димъ ее или застегнутой и накинутой на оба плеча, или же перекинутой только черезъ одно лѣвое плечо. На древнихъ изображеніяхъ, гдѣ представлена охота, хламида покрываетъ плечи и своей главной частью обвернута кругомъ лѣвой руки, предохраняя послѣднюю отъ укушеній дикихъ звѣрей.

Что касается самой формы хламиды, то у насъ есть указанія на то, что одна ея сторона была закруглена, такъ что весь кусокъ представлялъ собою приблизительно полукругъ, причемъ прямой край облегалъ плечи; обѣ скрѣпленныя на правомъ плечѣ точки этой прямой стороны, служившей какъ бы діаметромъ, находились на разстояніи приблизительно полъ-руки отъ окружности. По желанію, по краямъ полукруга, дѣлались съ обѣихъ сторонъ, дугообразныя выемки; такимъ образомъ справа и слѣва получались острые кончики, извѣстные подъ названіемъ крыльевъ (πτερά).

Хламиды дѣлали цвѣтныя и при случаѣ украшали богатыми узорами. Особенно часто читаемъ о хламидахъ пурпуровыхъ: такого цвѣта хламиду изображали ваятели, окрашивавшіе свои статуи; существовали однако и бѣлыя съ цвѣтной каймой и безъ нея. Украшеніемъ хламидъ служили нерѣдко вытканные на ней цвѣточные узоры; для вышиванія часто пользовались золотыми и серебряными нитями. Димитрій Поліоркетъ носилъ хламиды темно-лиловаго цвѣта, и вытканные на нихъ узоры представляли весь небесный сводъ съ золотыми звѣздами и знаками зодіака.

Головныя покрывала. (Κρήδεμνον, Κάλυμμα, Καλύπτρη).

(Табл. XVI, 2).

Мы уже упомянули, что женщины въ извѣстныхъ случаяхъ покрывали голову гиматіемъ. У Гомера замужнія женщины и дѣвушки носятъ иногда на головѣ еще особое покрывало (обозначаемое по-гречески однимъ изъ трехъ приведенныхъ въ заглавіи названій). На головѣ Геры красуется покрывало-кредемнонъ (κρήδεμνον), бѣлизна котораго сравнивается съ солнечнымъ свѣтомъ (Ил. XIV, 184 и сл.). Когда Ѳетида, не смотря на свою печаль, слѣдуетъ

приглашенію Ириды и возносится на Олимпъ, она набрасываетъ на себя покровъ-к а л и м м у (κάλυμμα), цвѣтъ котораго, въ знакъ ея скорби, совершенно черный (Ил. XXIV, 93 и сл.). Левкоѳея бросаетъ свое покрывало-кредемнонъ (κρήδεμνον) потерпѣвшему крушеніе Одиссею и совѣтуетъ ему прикрыть имъ грудь (Од. V, 346, 373). Когда троянки замѣчаютъ со стѣны влекомый по землѣ трупъ Гектора, Гекуба рветъ на себѣ волосы, причемъ предварительно сбрасываетъ съ головы своей покровъ-к а л и п т р у; Андромаха же падаетъ безъ чувствъ, и съ головы ея спадаетъ весь головной уборъ вмѣстѣ съ покровомъ „кредемнонъ (κρήδεμνον)". (Ил. XXII, 406 и 470). Служанки Навсикаи сбрасываютъ съ себя платки во время игры въ мячъ (Од. VI, 100). Пенелопа, спускаясь въ мужской залъ, останавливается у порога,

„Щеки закрывши своимъ головнымъ покрываломъ блестящимъ"

(стихъ, встрѣчаемый въ Одиссеѣ нѣсколько разъ). Это не значитъ, что Пенелопа, какъ думали раньше, прикрываетъ платкомъ щеки. Царица граціознымъ движеніемъ руки приподымаетъ только конецъ платка, вытягивая его немного впередъ и въ сторону; такой жестъ видимъ на прилагаемомъ рисункѣ по изобр. на вазѣ (фиг. 13), который даетъ въ то же время представленіе и о самомъ видѣ этого платка; послѣдній могъ быть и большихъ размѣровъ. Его назначеніе и часто упоминаемая бѣлизна даютъ намъ право вывести заключеніе, что такой платокъ дѣлали изъ легкой мягкой льняной матеріи, но не изъ шерсти. Подобный же платокъ встрѣтимъ и въ римскомъ костюмѣ, гдѣ онъ получилъ особое назначеніе. Въ Греціи пользовались позднѣе платками меньшихъ размѣровъ для того, чтобы придать болѣе привлекательную форму головному убору (ср. отдѣлъ о головномъ уборѣ и прическѣ).

Фиг. 13. Головной платокъ.

Поясъ. (Ζώνη, Ζωστήρ).

(Табл. XVI, 4 и 6; XVIII, 1).

Поясомъ служилъ или кожаный ремень, который скрѣплялся спереди посредствомъ металлической пряжки, или узорчатая лента въ родѣ шарфа, или шнурокъ любой толщины, который связывался узломъ. Поясъ невѣсты особенно искусно завязывался такъ называемымъ геркулесовымъ узломъ, которому приписывали особенную, предохранявшую отъ несчастій силу (ср. табл. XX, 5). Гомеръ упоминаетъ золотые пояса Калипсо и Кирки (Од. V, 231; X, 544); богаче былъ украшенъ поясъ Геры, имѣвшій 100 кисточекъ (Ил. XIV, 181); послѣднія можемъ представить себѣ въ видѣ крученой золотой бахромы („сто“ означаетъ, конечно, лишь множество). Такою бахромою, очевидно, былъ убранъ одинъ край пояса во всю его длину; въ позднѣйшее же время бахрома встрѣчается и на концахъ ленты, напоминающей собою шарфъ, о которомъ мы только-что говорили.

Обращаемъ здѣсь вниманіе на то, что гомеровскій эпитетъ „глубоко подпоясанный (βαθύζωνος)“ (невѣрно — „низко подпоясанный“) указываетъ на то, что поясъ былъ сильно стянутъ и такимъ образомъ глубоко врѣзывался въ талію. (Ср. стр. 15).

Повязка-строфій (Στρόφιον).

Въ виду того, что греческія платья сидѣли очень свободно, женщины были вынуждены прибѣгать къ какому-нибудь средству, чтобы казаться стройнѣе. Для этого пользовались широкою лентою, которою опоясывали бюстъ; она извѣстна подъ названіемъ строфія. Цѣль послѣдняго, стало быть, соотвѣтствовала назначенію современнаго корсета. Такъ какъ, однако, талія стягивалась только слегка, то древнимъ не были извѣстны тѣ послѣдствія ношенія корсета, которыя оскорбляютъ эстетическій вкусъ и являются вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени пагубными для здоровья. Въ видѣ строфія надо представить себѣ вышитый волшебный поясъ

Афродиты (κεστὸς ἱμάς), который она одолжаетъ Герѣ, когда послѣдняя собирается посѣтить Зевса на горѣ Идѣ (Ил. XIV, 214 и сл.). Афродита снимаетъ его съ груди, и Гера надѣваетъ на свою талію (ἐῷ ἐγκάτθετο κόλπῳ); это значитъ, что богиня или просто обвязываетъ имъ свою грудь, или скрываетъ его подъ соотвѣтствующею частью пеплоса. Такъ какъ этотъ поясъ названъ въ данномъ мѣстѣ у Гомера ремнемъ (ἱμάς), то мы должны представлять его себѣ приготовленнымъ изъ мягкой кожи, причемъ эпитетъ „вышитый (κεστός)“ указываетъ на украшенія въ видѣ рѣзьбы или пунктира. У позднѣйшихъ писателей этотъ эпитетъ обращается въ имя существительное.

Что старыя женщины строфія не носили, доказываетъ трогательное мѣсто въ Иліадѣ (XXII, 79 и сл.), гдѣ Гекуба тщетно уговариваетъ сына не вступать въ бой, причемъ разстегиваетъ пеплось на плечѣ и показываетъ такимъ образомъ Гектору обнаженную тощую грудь, которая его вскормила.

Обувь (Πέδιλον, Ὑπόδημα, Σάνδαλον, Κρηπίς, Ἐνδρομίς, Κόθορνος, Ἔμβας).

(Табл. XVIII).

Греки, даже высшаго класса, обуви дома не носили. При входѣ въ жилище они снимали ее, какъ это и теперь еще въ обычаѣ у восточныхъ народовъ. Уходя изъ дому, мужчина обыкновенно подвязывалъ къ ступнямъ особыя подошвы (καττύματα), о чемъ Гомеръ ни разу не забываетъ упомянуть (называя обувь— πέδιλον и ὑπόδημα). Слово „сандалій (σάνδαλον)“ встрѣчается впервые въ гомеровскомъ гимнѣ въ честь Гермеса. Форма этой обуви, какъ можно судить по сохранившимся до нашего времени памятникамъ, была весьма разнообразна. Высокіе мужскіе сандаліи назывались крепидами (κρηπίδες). Въ позднѣйшее время крепиды носили и женщины. Такая мода перешла, какъ кажется, изъ Этруріи, такъ какъ подобные сандаліи носили названіе „тирренскихъ“, что равносильно—„этрусскимъ“. Въ могилѣ одной четы въ Этруріи найдены подошвы изъ дерева съ бронзовою обивкою. Чтобы нога до извѣстной степени сохраняла гибкость ступни, подошвы сандалій составлялись изъ

двухъ частей, соединенныхъ между собою посредствомъ колѣнца. Если читаемъ у Гомера о золотыхъ сандаліяхъ, то и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ представлять себѣ деревянныя подошвы, обитыя листовымъ золотомъ. Обыкновеннымъ же матеріаломъ служила кожа, которую окрашивали въ самые разнообразные цвѣта.

Кромѣ сандалій, древніе употребляли еще и другого рода обувь—родъ невысокихъ, шнурованныхъ спереди сапогъ изъ кожи, которые облегали голень до половины и ступню вплоть до пальцевъ, остававшихся открытыми. Такой полусапогъ назывался эндромидою (ἐνδρομίς). Эндромиды обыкновенно богато украшались металломъ и оторачивались мѣхомъ со спускающимися внизъ краями.

Существовали, впрочемъ, сапоги, которые покрывали и пальцы: они извѣстны подъ названіемъ котурновъ (κόθορνοι); такъ, между прочимъ, называлась высокая обувь актеровъ, прикрывавшая всю ногу.

Встрѣчались иногда башмаки, стягивавшіеся спереди лентой, которая завязывалась бантомъ. Въ древнѣйшее время попадается обувь съ загнутыми вверхъ носками, какую еще и теперь носятъ въ Греціи. Такъ наз. эмбады (ἐμβάδες) представляли собою родъ просторныхъ сапогъ или башмаковъ изъ войлока или кожи; эмбады первоначально носили въ Θессаліи, откуда они перешли впослѣдствіи въ Віотію; надѣвали ихъ, какъ можно судить на основаніи комедій, бѣдняки и лица низшаго класса.

Шапки и шляпы. (Κυνέη, Πῖλος, Καυσία, Πέτασος). (Табл. XVIII, 3 и 6).

Въ томъ мѣстѣ Одиссеи, гдѣ разсказывается, какъ герой поэмы застаетъ старика отца за полевой работой, подробно описывается одѣяніе послѣдняго; поэтъ говоритъ между прочимъ, что на головѣ Лаэрта была шапка изъ козьяго мѣха (αἰγείη κυνέη; Од. XXIV, 231). Такъ какъ этимъ же словомъ обозначается и шлемъ, то надо представить себѣ въ данномъ случаѣ плоскій головной уборъ круглой формы. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о войлочной шапкѣ конической формы, въ родѣ фески, т. н. пилосѣ (πῖλος). Ее носили ремесленники (табл. XVIII, 3) и

моряки. Такого рода шапки встрѣчаются на изображеніяхъ божественнаго кузнеца Гефеста, скитальца Одиссея и лодочника Харона; наконецъ, въ пилосахъ изображаются лакедемонскіе герои, всадники Діоскуры.

На ряду съ этими шапками, существовали еще шляпы съ широкими полями: кавсія (καυσία) и петасъ (πέτασος); послѣдняя перешла въ Грецію изъ Θессаліи, первая—изъ Македоніи. Разница между ними была, повидимому, та, что кавсія напоминала собою какъ бы верхушку круглаго гриба, между тѣмъ какъ петасъ, въ соотвѣтствіи съ строеніемъ черепа, имѣлъ по срединѣ выпуклость или донышко; поля же его представляли собою четыреугольникъ съ двумя округленными концами. Матеріаломъ для этихъ шляпъ служилъ свѣтлый войлокъ. Шляпа-петасъ была снабжена подбородочнымъ ремнемъ, такъ что въ случаѣ вѣтра, быстраго поворота и т. п. обстоятельствъ, сползала только на затылокъ, но удерживалась на шеѣ и не сваливалась. Петасы на первыхъ порахъ были въ исключительномъ употребленіи у ѳессалійскихъ всадниковъ; изъ Θессаліи, вмѣстѣ съ хламидою, они распространились по всей Греціи. Такими шляпами пользовались главнымъ образомъ въ дорогѣ для защиты отъ палящихъ лучей солнца. На улицахъ города мужчины ходили съ непокрытою головою.

Женщина имѣла всегда возможность покрыть голову концомъ гиматія, если являлась безъ повязки—кредемнона (κρήδεμνον). Поэтому на изображеніяхъ женскихъ фигуръ шляпы встрѣчаются рѣдко, развѣ только въ формѣ раньше упомянутой кавсіи съ высокимъ остроконечнымъ донышкомъ. Такъ какъ подобная женская шляпа не прилегала къ головѣ непосредственно, потому что носилась поверхъ гиматія, и такъ какъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, что къ ней прикрѣплялись ленты для подвязыванія, то слѣдуетъ предположить, что она пришпиливалась, подобно современнымъ шляпамъ. Въ такой шляпѣ является Исмена въ „Эдипѣ Колонскомъ“. Софоклъ называетъ этотъ головной уборъ ѳессалійскимъ: можно, слѣдовательно, думать, что женскія кавсіи перешли въ Грецію изъ Θессаліи.

Головной уборъ и прическа.

Когда Андромаха, стоя на троянской стѣнѣ, съ ужасомъ смотритъ, какъ Ахиллъ влачитъ тѣло ея супруга по бранному полю, она лишается чувствъ:

Спала съ нея и далеко разсыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сѣть и прекрасно плетеныя тесьмы,
Спалъ и покровъ, блистательный даръ золотой Афродиты.
(Переводъ Гнѣдича)

Упоминаемый здѣсь налобникъ (ἄμπυξ), переведенный Гнѣдичемъ словомъ „ленты“, представлялъ собою металлическую головную повязку или діадему. Сѣть, сѣтка, чепчикъ (κεκρύφαλος) это, собственно,—небольшой платочекъ четыреугольной формы,

Фиг. 14. Діадема.

къ четыремъ концамъ котораго прикрѣплялись ленты, и которымъ подбирались и подымались вверхъ волосы, чтобы не падали на затылокъ (табл. XVI, 6). Плетеною повязкою

Фиг. 15. Діадема.

(тесьмами), очевидно, перевязывались волосы тѣмъ или другимъ способомъ. О покровѣ — кредемнонъ (κρήδεμνον) была рѣчь раньше.

Только-что упомянутый чепчикъ покрывалъ волосы только на затылкѣ. Существовали, однако, еще чепчики, покрывавшіе

волосы цѣликомъ (отсюда выраженіе — кругомъ обвязанная голова — κεφαλὴ περίβετος—см. табл. XVI, 5). Случалось и такъ, что обвязывали голову нѣсколько разъ широкою повязкою, такъ что волосы проглядывали лишь отдѣльными полосами и надъ лбомъ оставлялась челка. Діадема (ἄμπυξ и στεφάνη) имѣла весьма разнообразныя формы: она или облегала голову ровною широкой полосой (фиг. 14), или же по срединѣ ея возвышался острый конецъ (фиг. 15), получившій въ позднѣйшее время значительную высоту (фиг. 16).

Фиг. 16. Діадема.

О разнообразіи женской прически даютъ понятіе приложенныя дальше иллюстраціи—фиг. 19a—d (стр. 43).

О перемѣнахъ, которыя испытывала подъ вліяніемъ моды какъ женская, такъ и мужская прическа, будетъ рѣчь въ историческомъ отдѣлѣ.

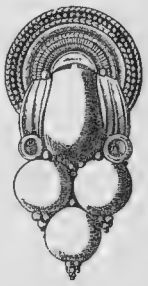
Драгоцѣнныя украшенія.

Въ XVIII рапсодіи Одиссеи перечисляются подарки, которые женихи велятъ слугамъ своимъ принести изъ дому для Пенелопы (ст. 295—300):

Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ искусствомъ,
Свѣтлыхъ, какъ солнце, большихъ янтарей принесли Эвримаху.
Серьги—изъ трехъ, съ шелковичной пурпурною ягодой сходныхъ
Шариковъ каждая—подалъ проворный слуга Евридаму;
Былъ молодому Писандру, Поликтора умнаго сыну,
Женскій уборъ принесенъ, ожерелье богатое...
(Переводъ Жуковскаго).

Въ этомъ мѣстѣ сопоставлены всѣ три намъ извѣстныя названія, обозначавшія въ гомеровское время драгоцѣнныя украшенія. Упоминаемая здѣсь цѣпь, или шнурокъ (ὅρμος), прикрѣплялась у шеи и низко свѣшивалась на грудь. Такіе шнурки, составными частями которыхъ служатъ золото и янтарь, встрѣчаются нерѣдко въ древнихъ могилахъ. Упомянутое въ послѣднемъ стихѣ ожерелье (ἐσθμιον) представляло собою, наоборотъ, украшеніе, которое носили исключительно на шеѣ — скорѣе кольцо, нежели цѣпочку

(см. фиг. 5). Серьги (ἔρματα) опредѣляются такъ: „изъ трехъ съ шелковичной пурпурною ягодою сходныхъ шариковъ каждая", собственно, съ тремя глазками, жемчужинами (τρίγληνα), висѣвшими на подобіе ягодъ ежевики или тутовыхъ ягодъ (μορόεντα). Подобныя серьги, дѣйствительно, найдены въ древнихъ могилахъ; ср. фиг. 17: тутъ видимъ подобныя серьги прекрасной работы, хотя и поздняго времени.



Фиг. 17. Серьги.

О цѣпочкахъ, которыми соединялись иногда булавки или пряжки платья, была рѣчь выше (фиг. 4а и 5). Съ какимъ искусствомъ уже въ гомеровскую эпоху умѣли отдѣлывать пряжки, показываетъ то мѣсто Одиссеи, гдѣ переодѣтый Одиссей описываетъ Пенелопѣ свой собственный образъ и костюмъ (Од. XIX, 225 и сл.):

Въ мантію былъ шерстяную, пурпурнаго цвѣта, двойную
Онъ облеченъ; золотою прекрасной съ двойными крючками
Бляхой держалася мантія; мастеръ на бляхѣ искусно
Грознаго пса и въ могучихъ когтяхъ у него молодую
Лань изваялъ; какъ живая, она трепетала; и страшно
Песъ на нее разъяренный глядѣлъ и, изъ лапъ порываясь
Вырваться, билась ногами она: въ изумленье та бляха
Всѣхъ приводила.

(Переводъ Жуковскаго).

Раскопки дали нѣсколько образцовъ пряжекъ (фиг. 18 представляетъ двойную пряжку). На основаніи раскопокъ равнымъ образомъ узнаемъ, что женщины уже въ древнѣйшее время носили браслеты; послѣдніе бо́льшею частью представляли спирали и изображали змѣй (ἕλικες) (табл. XVI, 4). На ряду съ витыми существовали и широкіе браслеты, ажурной работы, облегавшіе руку на подобіе тонкихъ кружевъ. Такія украшенія, весьма изящной формы, замѣчаются на нѣкоторыхъ статуяхъ позднѣйшаго времени; они носились гораздо выше, чѣмъ, напр., въ наше время, всегда ближе къ плечу. Древній браслетъ имѣетъ видъ, собственно, расширеннаго перстня съ печатью (табл. XVI, 5). На пальцахъ носили кольца въ видѣ спирали или же кольца съ печатью.

Фиг. 18. Пряжка.

ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКАГО КОСТЮМА.

Раскопки Шлимана доказали, что въ поэтическихъ разсказахъ и описаніяхъ Иліады и Одиссеи скрыто историческое зерно, что въ Микенахъ и въ Тиринѳѣ правили славные царскіе роды, что городъ Троя, при смѣнѣ вѣковъ, неоднократно подвергался разрушенію. И не удивительно: вѣдь эта твердыня господствовала надъ проходомъ въ Пропонтиду и въ чудесныя страны, лежавшія на берегахъ Понта — родину Меден. Точно также намъ извѣстно, благодаря новѣйшимъ раскопкамъ на островѣ Критѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, что центромъ той своеобразной культуры, которую мы привыкли называть микенской, былъ славный островъ Миноса, и что отсюда микенское вліяніе распространилось моремъ въ разные концы эллинскаго міра. Его слѣды обнаружены даже въ самомъ Египтѣ. Въ Греціи микенская культура процвѣтала лишь нѣкоторое время, но не привилась: это доказываетъ, между прочимъ, и исторія одежды.

Микенскія золотыя кольца, мечи съ эмалевыми изображеніями и критскія фрески доказываютъ, что костюмъ женщинъ того времени тѣсно облегалъ талію и имѣлъ пышные рукава, а внизу ниспадалъ въ видѣ очень широкой юбки, сверху до низу обшитой рюшемъ. Его верхняя часть была иногда глубоко вырѣзана. Волосы носились въ видѣ искусной, высокой прически. Весь костюмъ мужчинъ на указанныхъ памятникахъ состоитъ изъ передника, прикрывавшаго чресла. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что на упомянутыхъ памятникахъ мужчины представлены или на охотѣ, или на войнѣ. Принимая во внима-

ніе греческій климатъ, можно полагать, что и плащъ тоже составлялъ принадлежность мужской одежды.

Описанная одежда не походитъ на ту, съ которою знакомитъ Гомеръ. Дѣло въ томъ, что микенская культура до сложенія гомеровскихъ поэмъ сдѣлались внезапно жертвой великаго переворота, силою удалившаго чужое изъ страны и вернувшаго преобладаніе всего туземнаго, національнаго. Такую же судьбу испытала и одежда. Не слѣдуетъ однако думать, будто послѣдняя получила тогда новыя формы. Тотъ родъ костюма, который съ этихъ поръ вошелъ во всеобщее употребленіе, существовалъ въ Греціи уже до появленія чужеземнаго вліянія; исчезнуть совершенно онъ не могъ.

Можно, стало быть, представить себѣ древнѣйшій греческій костюмъ въ слѣдующемъ видѣ. Женщины носили шерстяной пеплосъ, волосы же были подобраны посредствомъ сѣтки (κεκρύφαλος). Мужчины надѣвали на чресла передникъ (ζῶμα), а поверхъ него—сложенную вдвое на подобіе пеплоса хлену. Длинные волосы носили не только женщины, но и мужчины, перехватывая ихъ лентою или спиралевиднымъ кольцомъ; бороду оставляли, но усы брили.

Благодаря сношеніямъ съ востокомъ, греки познакомились впослѣдствіи съ тонкими тканями изъ льна. Женщины стали носить на головѣ тонкое покрывало (κρήδεμνον); у мужчинъ же вошло въ обычай одѣвать длинный, а вскорѣ затѣмъ, вѣроятно, и короткій хитонъ. Вошла въ употребленіе мантія (φᾶρος), которую носили и мужчины и женщины, перекидывая концы черезъ плечи (симметричный способъ ношенія мантіи). На этой-то ступени развитія застаемъ костюмъ у Гомера, который упоминаетъ и о его цвѣтѣ. Пеплосъ бывалъ пестрый и украшался разнообразными узорами; такова приблизительно была и мужская хлена. Концы обѣихъ одеждъ скрѣплялись металлическою булавкою или пряжкой. Женскій головной покровъ (κρήδεμνον) былъ цвѣта бѣлоснѣжнаго. Плащъ (φᾶρος) носили бѣлый и пурпуровый. Мужской хитонъ отличался наконецъ, блестящей бѣлизной.

Въ такомъ видѣ греческій костюмъ оставался долго безъ всякихъ измѣненій и сохранялся повсемѣстно въ странѣ до VI вѣка, когда въ Аѳины изъ Іоніи проникла новая мода. Объ этой перемѣнѣ въ аттическомъ костюмѣ Геродотъ (V, 87

и сл.) приводитъ замѣчательный разсказъ, въ которомъ перемѣшаны историческія и миѳическія подробности. Во время одной попытки аѳинянъ ограбить святилище Даміи и Авксесіи на островѣ Эгинѣ эгинцы перебиваютъ всѣхъ участниковъ похода, кромѣ одного, который спасается въ Аѳины и приноситъ извѣстіе о несчастномъ исходѣ предпріятія. Тогда жены павшихъ набрасываются всѣ на вѣстника; каждая спрашиваетъ, гдѣ ея мужъ, вонзая при этомъ въ тѣло несчастнаго одну изъ длинныхъ булавокъ, скрѣплявшихъ платье. Весь исколотый, вѣстникъ умираетъ. Этотъ ужасный случай будто бы далъ поводъ къ замѣнѣ дорійскаго костюма, т. е. шерстяного пеплоса, іонійскимъ, льнянымъ, который носили безъ булавокъ. Послѣдній съ того времени и должны были носить аѳинянки. Такъ разсказываетъ Геродотъ. Описываемый случай относится приблизительно къ половинѣ VI вѣка. Что въ это именно время произошла перемѣна въ аѳинскомъ костюмѣ, доказываютъ дошедшія до насъ изваянія, относ. къ данной эпохѣ. Связь обоихъ фактовъ носитъ, однако, миѳическій характеръ. Почему такой именно родъ смерти придуманъ былъ для оставшагося въ живыхъ аѳинянина, будетъ понятно, если примемъ во вниманіе, что двумъ вышеупомянутымъ богинямъ эгинскія женщины посвящали множество булавокъ, которыми застегивалось платье. Одному только воину, удалось спастись отъ мужского оружія—мечей, но онъ погибаетъ отъ оружія женскаго, которое у обѣихъ названныхъ богинь считалось священнымъ. Такимъ образомъ Дамія и Авксесія довершаютъ наказаніе за намѣреніе ограбить ихъ святилище.

Въ Іоніи, откуда стала распространяться новая одежда, развилась, благодаря сближенію съ востокомъ, особая мода. Женщины стали носить полотняный хитонъ, противоположные концы котораго застегивались на плечахъ или скрѣплялись булавками, образуя такимъ образомъ какъ-бы короткій рукавъ. Поверхъ хитона надѣвалось верхнее платье, составлявшее дальнѣйшее развитіе хлены, съ тою разницею, что концы, образующіе открытую сторону, сшивались внизу другъ съ другомъ, а та часть платья, которая загибалась у шеи и отбрасывалась впередъ, застегивалась на правомъ плечѣ вмѣстѣ съ хитономъ. Кромѣ того, при помощи складокъ и при соотвѣтственной кройкѣ, откинутая верхняя часть складывалась въ длинные, отдѣльными

группами ниспадавшіе фестоны; самый верхній край, наконецъ, еще разъ отгибали впередъ и собирали въ мелкія складки; плиссировка послѣднихъ совершалась при помощи плоильныхъ щипцовъ. Такой костюмъ назывался іонійскою одеждою (ἐσθὴς Ἰάς), такъ какъ появился изъ Іоніи. Въ аѳинскомъ акрополѣ найдена цѣлая масса мраморныхъ фигуръ, въ іонійской, подобной описанной нами одеждѣ; сохранилась и окраска статуй. На основаніи этихъ фигуръ можно составить ясное представленіе о приведенномъ женскомъ костюмѣ (см. среднюю фигуру въ верхн. ряду на табл. XVII): хитонъ на этихъ фигурахъ собранъ въ мельчайшія длинныя складки, у шеи и вдоль рукъ окаймленъ широкой тесьмой. Какъ хитонъ, такъ и верхнее платье, приготовлялись, должно быть, изъ полотна, т. е., матеріи, которая лучше всякой другой могла дать столь рѣзко выдѣлявшіяся и устойчивыя складки. Верхнее платье было бѣлаго цвѣта; его край украшался широкою каймою съ узоромъ изъ множества мелкихъ звѣздочекъ или цвѣточковъ зеленаго и краснаго цвѣта различныхъ стилей. Этому своеобразному нарядному костюму соотвѣтствовали походка и жесты. Прическа, однако, была простая. Мочки ушей прикрывались большими круглыми бляхами. Ожерелья и браслеты дополняли праздничный нарядъ. Мужчины сохранили бѣлоснѣжный, длинный хитонъ и гиматій темнаго цвѣта.

Вмѣсто того, чтобы распускать волосы, ихъ подбирали и связывали лентой, облегавшей голову, какъ это было въ обычаѣ у женщинъ: такую прическу называли кробиломъ или коримбомъ (собств., пучокъ—κρωβύλος, κόρυμβος). Для связыванія волосъ служили т. н. золотыя цикады (τέττιγες); болѣе точнаго представленія о послѣднихъ, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Бороду носили такъ же, какъ и раньше, только обычай брить усы сталъ исчезать мало-по-малу.

Описанная нами іонійская мода достигла въ Аѳинахъ особеннаго расцвѣта во времена Писистратидовъ. Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ то же приблизительно время, вмѣстѣ съ прибытіемъ въ Аѳины ѳессалійской конницы, вошла въ употребленіе хламида.

Полный переворотъ въ греческомъ костюмѣ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, произвели греко-персидскія

войны. Старый пеплосъ снова вошелъ въ моду въ Аѳинахъ. Верхнее платье, съ спадавшими внизъ въ красивыхъ складкахъ фестонами было совершенно заброшено. Женскій хитонъ однако остался; поверхъ него часто надѣвался пеплосъ (табл. XVII, 1). На ряду съ хитономъ, прикрывавшимъ верхнія части руки, появляется другой хитонъ, который оставляетъ ихъ совершенно обнаженными. Послѣдній соотвѣтствовалъ такимъ образомъ длинному мужскому хитону. Старики—аристократы, не желавшіе порвать со прошлымъ, въ теченіе нѣкотораго времени все-таки не разставались съ длиннымъ хитономъ; впослѣдствіи эта одежда сохранилась лишь, какъ одѣяніе жрецовъ, кіѳаредовъ и возницъ во время состязаній. Точно также исчезла и прежняя прическа—кробилъ. Волосы носили первое время еще длинные; женщины сплетали ихъ сзади въ двѣ косы, которыя обвивались кругомъ головы и связывались надъ лбомъ; или же волосы намотывались на кольцо, облегавшее голову, и такимъ образомъ получался вѣнчикъ или гирлянда. Въ большомъ употребленіи были чепчики самой разнообразной формы. Дѣвушки, впрочемъ, по прежнему, распускали волосы, обвязывая лентою только ихъ концы. Съ половины V вѣка мужчины начали носить короткіе волосы. Разница между эпохами Гомера и Писистратидовъ сказывается далѣе въ томъ, что богатые узоры, которыми прежде было принято испещрять платья, исчезаютъ совершенно; цвѣтныя платья однако остаются по прежнему.

Слѣдуетъ еще упомянуть о весьма замѣчательной одеждѣ, изобрѣтеніе которой приписывается великому трагику Эсхилу; мы имѣемъ въ виду костюмы греческаго театра, о которыхъ находимъ свѣдѣнія въ особой книжкѣ, объясняющей таблицы XII и XIII. Теперь обратимъ вниманіе на одну только одежду, на первыхъ порахъ совершенно чуждую грекамъ: это—хитонъ съ длинными, трубкообразными рукавами. Такіе рукава на сценѣ были вполнѣ естественны, такъ какъ тамъ надо было прикрыть всѣ части тѣла, являвшіяся увеличенными и расширенными. Изъ театра однако этотъ варварскій костюмъ перешелъ и въ обыденную жизнь. Правда, греки ежедневно видѣли такіе рукава у своихъ рабовъ и рабынь, большею частью чужеземцевъ, варваровъ (фиг. 9). У послѣднихъ однако это была одежда обыденная; у нихъ господъ, наоборотъ, хитонъ съ длинными рукавами представлялъ нарядное

платье, даже и въ то время, когда, благодаря завоеваніямъ Александра Великаго, онъ получилъ болѣе широкое распространеніе.

Фиг. 19a.

Фиг. 19c

Фиг. 19b.

Фиг. 19d.

Различные виды прически.

Цѣлое столѣтіе одежда грековъ остается безъ измѣненій; только рядомъ съ естественнымъ способомъ подпоясыванія надъ бедрами входитъ въ моду подпоясываніе подъ грудью, а вскорѣ

также и ниже бедеръ. Тотъ родъ хитона, который прикрывалъ часть рукъ, мало-по-малу исчезаетъ совершенно. Развитіе вкуса сказывается въ способѣ ношенія гиматія; обнаруживается оно и въ томъ предпочтеніи, которое стали отдавать тонкимъ, даже просвѣчивавшимъ матеріямъ, и притомъ не только по отношенію къ платью исподнему, нижнему, но и верхнему (плащамъ, мантіямъ). Драгоцѣнныя украшенія отличаются уже бо̀льшимъ изяществомъ и бо̀льшею тонкостью работы; а головныя повязки діадемы становятся выше, образуя рѣзко бросающійся въ глаза контрастъ въ сравненіи съ овальнымъ, нѣжнымъ лицомъ (фиг. 16). Волосы подбираются и собираются сзади въ узелъ; прическу перетягиваютъ одною или двумя узкими лентами (фиг. 19c). Вмѣсто того, чтобы зачесывать волосы назадъ, ихъ связываютъ иногда на темени легкимъ узломъ (рис. 19a). Случается также, что голову облегаетъ коса, на подобіе діадемы (рис. 19b). Наиболѣе красивой однако прической была та, при которой волосы лежали на головѣ въ видѣ низкихъ, продольныхъ волнъ, соединяющихся въ небольшой узелъ на темени или ниже (табл. XVII, 4; фиг. 12 и 19d). Такую прическу можно назвать „волнистой“ (нѣмцы даютъ ей не особенно эстетическое названіе „Melonenfrisur“, такъ какъ она напоминаетъ собою наружный видъ дыни).

Мужчины въ эпоху Александра Великаго перестали носить бороду, а также стали брить и усы (усовъ безъ бороды греки никогда не носили). Другихъ измѣненій въ одеждѣ и прическѣ не было.

Литература.

Conze, Griechische Gewandung („Blätter für Kunstgewerbe“, изд. Teirich, Wien 1875).

I. Boehlau, Quaestiones de re vestiaria Graecorum.

Fr. Studniczka, Beiträge zur Geschichte der altgriechischen Tracht (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars in Wien VI, 1).

Его же статья, въ „Jahrbuch des Kaiserlich deutschen archäologischen Instituts 1896, стр. 248 и сл.

W. Helbig, Das homerische Epos aus den Denkmälern erklärt, 2 изд., стр. 161 и сл.

Guhl und Koner, Das Leben der Griechen und Römer, 6 изд. обработанное R. Engelmann'омъ, стр. 284 и сл.

H. Blümner, статьи: Chiton, Chlamys, Himation, Griechische Kleidung, Kopfbedeckung, Kopfschmuck у Baumeister'a въ его „Denkmäler des klassischen Altertums".

Kalkmann, Jahrbuch des Instituts 1897, стр. 20 и сл.

W. Amelung, статьи: Χειριδωτὸς χιτών, Χιτών, Χλαῖνα, Χλαμύς, Χλανίς и Coa vestis у Pauly-Wissowa въ его Real-Encyklopädie.

Evans, Chapters on greek dress.

H. Lechat, Au musée de l'Acropole d'Athènes, стр. 151 и сл.

ОДЕЖДА ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

Женскіе костюмы.

Туника. (Tunica).
(Табл. XX, 2 и 5)

Костюмы римскихъ женщинъ историческаго времени не отличались существенно отъ той одежды, которая была въ модѣ у гречанокъ въ IV вѣкѣ и въ эллинистическую эпоху. Одежду, соотвѣтствовавшую хитону, римляне называли туникой. Женщины носили часто два такія платья (indumenta), одно поверхъ другого: нижняя туника (tunica subucula, interula или просто tunica) имѣла обыкновенно такой же покрой, какъ описанный нами выше хитонъ (ср. табл. XVI, 5); верхняя—стола (stola) соотвѣтствовала хитону съ застежками на рукавахъ (табл. XVI, 5, стр. 17). Случалось, впрочемъ, иногда, что нижняя туника имѣла покрой застегнутаго хитона, а верхняя—покрой хитона эллинистической эпохи (табл. XVI, 4; фиг. 20). Подпоясывались поясомъ (cinctura) всегда по-выше. Матеріаломъ для туникъ и столъ въ древнѣйшее время служила шерсть, позднѣе — полотно, полушелкъ или шелкъ; цвѣтъ матеріи отличался такою же яркостью, какъ и у хито-

Фиг. 20. Двойная туника.

новъ. Такъ, Овидій говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія—Ars amatoria (III, 169 и сл.): „женское платье незачѣмъ окрашивать всегда въ дорогой, настоящій пурпуръ: существуетъ голубой цвѣтъ неба, золотистый цвѣтъ чистой шерсти, свѣтлозеленый цвѣтъ моря, желтый—шафрана, темная зелень мирты, нѣжно-фіолетовый цвѣтъ аметиста, ослѣпительная бѣлизна бѣлой розы, сѣрый цвѣтъ журавля, цвѣтъ жолудя, миндаля, воска. Насколько разнообразны цвѣты, которыми покрывается земля весною, столько же и даже еще больше разнообразія можетъ представлять и окраска шерсти.—Внизу стола окаймлялась всегда широкою полосою (instita), цвѣтъ которой былъ или темнѣе самой матеріи, или же совершенно другой; часто эта полоса богато украшалась узорами. Точно также обшивался каймой (patagium) и воротъ, какъ это мы видѣли на хитонѣ эллинистической эпохи.

Только въ позднее время имперіи вошла въ моду нижняя туника съ длинными трубкообразными р у к а в а м и (tunica manicata); въ древнѣйшее время такое платье считалось признакомъ роскоши и изнѣженности, и притомъ еще въ бо́льшей степени, нежели это было въ Греціи.

Платья, подобнаго греческому пеплосу, римлянки никогда не носили. Правда, въ музеяхъ можно встрѣтить женскія фигуры съ головами римскаго типа, но облеченныя въ греческій пеплосъ. Такія головы приставлены къ этимъ фигурамъ или произвольно въ новѣйшее время—современными реставраторами, взамѣнъ настоящихъ, утратившихся съ теченіемъ времени; или дѣло объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что та или другая римлянка, чаще всего жена императора, изображалась въ видѣ богини (Цереры, Фортуны), и римскій ваятель долженъ былъ снять копію съ какой-нибудь извѣстной греческой статуи, представлявшей богиню. Головѣ, конечно, придавались черты лица и прическа изображаемой особы, фигура же и платье напоминали оригиналъ, по которому были сдѣланы.

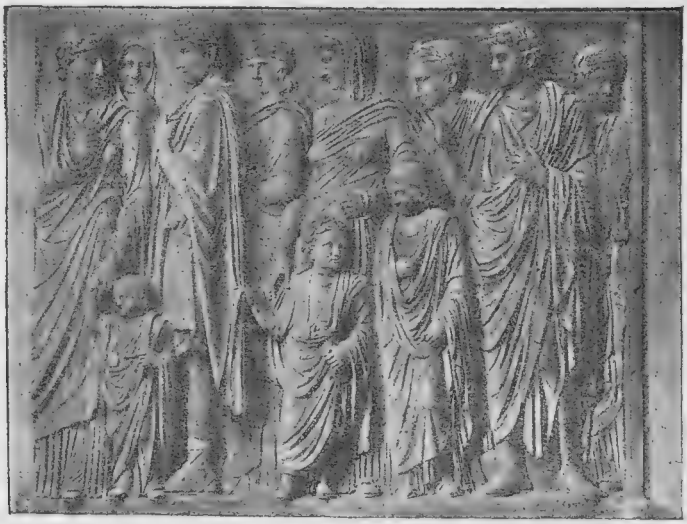
Палла; **тога** (Palla; toga).

(Табл. XX, 2 и 5).

При выходѣ изъ дому римлянка облекалась въ м а н т і ю—п а л л у (palla), которая своимъ видомъ и способомъ одѣванія

(amictus) вполнѣ соотвѣтствовала греческому гиматію (ср. соотв. отдѣлъ). Цвѣтъ такой мантіи, какъ видно изъ показаній авторовъ, могъ быть бѣлый, пурпуровый, темный.

Первоначально женщины, наравнѣ съ мужчинами, носили тогу; въ позднѣйшее однако время этотъ костюмъ надѣвали лишь тѣ изъ нихъ, которыя не заботились о репутаціи. Тѣмъ не менѣе, еще во времена Августа было въ обычаѣ, чтобы тогу носили дѣвочки подростки: въ такомъ костюмѣ видимъ двухъ дѣвочекъ на одномъ изъ прекрасныхъ рельефныхъ изображеній жертвенника—Ara Pacis Augustae, гдѣ представлена торжественная



Фиг. 21. Дѣти въ тогахъ.

процессія во время его освященія; дѣвочки, повидимому, принадлежатъ къ императорскому семейству (одна изъ нихъ изображена на прил. фотогр.—правѣе; фиг. 21).

Дѣвочки точно такъ же, какъ и мальчики одѣвали т. н. тогу претексту (praetexta); подъ этимъ именемъ извѣстна тога съ красною каймою. Ее носили до извѣстнаго возраста; по достиженіи же совершеннолѣтія мѣняли на бѣлую тогу. Этотъ обычай сохранился лишь у мальчиковъ, между тѣмъ какъ дѣвочки впослѣдствіи смѣнили бѣлую тогу на паллу.

Головной платокъ (Palliolum; rica; flammeum; suffibulum). (Табл. XX, 2 и 5).

Соотвѣтственно греческой головной повязкѣ (κρήδεμνον; см. стр. 29) римлянки носили на головѣ платокъ (palliolum), называвшійся рикою, рикулою или рициніемъ (rica, ricula, ricinium). Это былъ квадратный кусокъ матеріи, обшитый бахромой; цвѣтъ его соотвѣтствовалъ натуральному цвѣту шерсти. Въ древнѣйшее время онъ пользовался всеобщимъ употребленіемъ; позднѣе, однако, его носили только въ извѣстныхъ случаяхъ — при богослуженіи, или во время обрядовъ печальнаго характера. По формѣ этотъ платокъ не отличался отъ т. н. „flammeum“ —тонкаго покрывала ярко-краснаго цвѣта, которымъ въ день свадьбы невѣста украшала свою голову, и который носила жрица flaminica (табл. XX, 2). Онъ былъ похожъ также на т. н. „suffibulum“, бѣлый платокъ съ красной каймой, который надѣвали весталки (табл. XX, 5). Нельзя видѣть простой случайности въ томъ, что эти платки носили еще въ историческое время: костюмъ какъ весталокъ, такъ и жрицы фламиники въ сущности ничѣмъ не отличался отъ древняго наряда невѣсты; послѣдній же представлялъ собою одежду, въ которой римлянка появлялась въ первый разъ въ день своей свадьбы; слѣдовательно, покрывало служило первоначально отличіемъ замужней женщины.

Фламиника была супруга фламина Юпитера (flamen Dialis) и посвящала себя, вѣроятно, служенію Юнонѣ. Ея бракъ со жрецомъ Юпитера долженъ былъ представлять собою образецъ чистоты и святости; малѣйшій проступокъ влекъ за собою лишеніе достоинства, которое терялось и въ томъ случаѣ, если одного изъ супруговъ постигала смерть. Въ связи съ этимъ значеніемъ брака жреческой четы находится и то обстоятельство, что фламиника должна была всегда появляться въ нарядѣ невѣсты, т. е., собственно, въ праздничномъ костюмѣ. Прическу она носила высокую, прикрывая ее конусообразнымъ чепцомъ, называемымъ „tutulus“, мѣсто котораго впослѣдствіи заняла пурпуровая повязка (vitta purpurea). Образцы чепцовъ древнѣйшей моды представляетъ фиг. 22, гдѣ изображены, на основаніи этрусской стѣнной живописи, три женскія головы. Фламі-

ника надѣвала также и вѣнокъ (arculum, inarculum), который сплетался изъ двухъ гранатовыхъ вѣтокъ и перевязывался бѣлою шерстяною нитью (ср. фиг. 20). Выборъ вѣтки—именно гранатоваго дерева не былъ случайнымъ: гранатъ, благодаря удивительному обилію зеренъ, служилъ изстари символомъ неисчерпаемой производительной силы природы, почему и былъ посвященъ божествамъ природы, какъ, напримѣръ, Афродитѣ, равно какъ и охранительницѣ брака — Герѣ. Такое же значеніе имѣетъ и въ наше время возлагаемый на голову невѣсты вѣнокъ изъ цвѣтовъ померанцоваго дерева (fleurs d'orange), такъ какъ это дерево находится въ постоянномъ цвѣту и въ то же время полно зрѣющихъ и спѣлыхъ плодовъ. Чепецъ — tutulus

Фиг. 22.

покрывался платкомъ—rica, или покрываломъ оранжеваго цвѣта (flammeum). Какъ на особенность облаченія фламиники, слѣдуетъ еще указать, что ея обувь могла приготовляться только изъ шкуры жертвеннаго животнаго.

Бо̀льшею сложностью отличался костюмъ весталокъ. Голова ихъ прежде всего плотно обвивалась шестью косами (sex crines), которыя спереди прикрывались діадемою, состоявшею изъ нѣсколькихъ бѣлыхъ и красныхъ крученыхъ шерстяныхъ лентъ (infulae; ниспадающіе на плечи концы носятъ названіе vittae; весь уборъ называется capital). Заднюю часть головы прикрывала бѣлая рика съ красною каймою — suffibulum, которая скрѣплялась на груди брошью (fibula). Туника подпоясывалась бѣлымъ шнуркомъ, концы котораго спереди связывались непремѣнно геркулесовымъ узломъ (см. выше стр. 31). Мантія была полотняная и называлась карбазомъ (carbasus). Весталки не всегда носили особое suffibulum; въ послѣднемъ случаѣ онѣ прикрывали голову карбазомъ, который закалывали спереди брошью. Тождество съ костюмомъ невѣсты сказывается не только въ покрывалѣ, но и въ томъ, что волосы заплетались

въ шесть косъ, а также въ примѣненіи геркулесова узла. Діадема изъ лентъ (вспомнимъ вѣнецъ, который и теперь еще часто возлагается на голову невѣсты) напоминаетъ, что и волосы невѣсты перевивались и обвязывались лентами (этотъ обычай сохранился въ итальянскомъ городкѣ Сканно и у насъ—въ Малороссіи). Присвоеніе весталкѣ подвѣнечнаго костюма объясняется тѣмъ, что при посвященіи въ жрицы ее вводили въ храмъ, какъ невѣсту, и обручали съ божествомъ, которое при этомъ обрядѣ олицетворялъ верховный жрецъ. Весталка въ государственной жизни играла роль матери семейства (mater familias); на ея попеченіи находились огонь и вода. Она давала божеству обѣтъ цѣломудрія; вслѣдствіе этого ей и былъ присвоенъ характерный подвѣнечный костюмъ. Слѣдуетъ еще упомянуть, что по той же причинѣ одѣвали нарядъ, подобный подвѣнечному, и христіанскія дѣвицы, невѣсты Христовы, посвящавшія себя Богу при поступленіи въ монастырь.

Flammeum, какъ мы сказали, было оранжеваго цвѣта, suffibulum—бѣлаго съ красною каймою. Красный и бѣлый цвѣта имѣли, очевидно, символическое значеніе: красная и бѣлая шерсть употреблялась во время церемоній искупительнаго характера, которыя въ дѣйствительности и составляли существенную часть религіозныхъ обрядовъ римской свадьбы. Въ костюмѣ весталки—краснаго цвѣта были лишь края платка, прочая же часть, въ знакъ незапятнанной чистоты, была бѣлаго цвѣта. Бѣлый платокъ съ красною каймою точно также носили и невѣсты Христовы; послѣдній, впрочемъ, насколько можно судить, не всегда застегивался брошью.

Повязка (Fascia pectoralis).

Талія, какъ и въ Греціи, обвивалась подъ одеждою широкою повязкою (fascia pectoralis; mamillare).

Прическа и драгоцѣнныя украшенія.

Женская прическа съ теченіемъ времени принимала самыя разнообразныя и оригинальныя формы; почти каждая императрица вводила новую моду. Наша иллюстрація представляетъ нѣсколько причесокъ времени—Августа, Флавіевъ и Траяна (фиг.

23a, b, c). Діадемы, серьги (inaures, pendentes), ожерелья (monilia, catellae), браслеты (armillae, bracchalia) и перстни (anuli) носили въ Римѣ такъ же, какъ и въ Греціи въ эллинистическую эпоху; форма ихъ почти не мѣнялась. Подчасъ эта роскошь достигала невѣроятныхъ размѣровъ. Стоимость драгоцѣннаго украшенія, которое носила обыкновенно супруга Калигулы, Лоллія Паулина, равнялась 40 милліонамъ сестерцій (болѣе 4 милліоновъ рублей); въ Ліонѣ въ 1841 г. найденъ полный драгоцѣнный уборъ римской женщины, между прочимъ—семь ожерелій изъ смарагдовъ,

Фиг. 23. Женскія прически.

гранатовъ, сапфировъ, аметистовъ и коралловъ. Серьгой служила часто одна большая жемчужина. Цезарь подарилъ матери Марка Брута жемчужину въ 6 милліоновъ сестерцій (около 500.000 руб.), а стоимость жемчужины, которую Клеопатра при пріемѣ Антонія растворила въ уксусѣ и выпила, опредѣляли въ 10 милліоновъ сестерцій (около 820.000 руб.). Волосы украшались вѣнками, состоявшими или изъ отдѣльныхъ листьевъ (corona sutilis), или изъ вѣтокъ (corona plectilis); тѣ и другіе приготовлялись изъ золота. Наконецъ, въ большомъ употребленіи были и длинныя остроконечныя шпильки для волосъ (crinales), головки которыхъ представляли собою или пуговки, или фигурки тонкой работы.

Обувь.

Судя по свидѣтельствамъ авторовъ, обувью для женщинъ служилъ полу-сапогъ—calceus, форма котораго будетъ описана ниже; эта обувь окрашивалась въ цвѣта: красный, зеленый, желтый, бѣлый. На памятникахъ, однако, встрѣчаемъ лишь мягкіе башмаки (socci: табл. XX, 2 и 5) или рѣже — родъ шнурованныхъ ботинокъ, какъ свидѣтельствуютъ фигуры 4 и 6 таблицы XIX. На ряду съ такими башмаками попадаются и сандаліи, въ родѣ греческихъ.

Мужская одежда.

Туника.

(Табл. XIX, 1—4; XX, 1, 3, 4).

Покрой мужской туники вполнѣ соотвѣтствовалъ короткому греческому хитону (см. выше, стр. 22). Дома носили ее безъ пояса (см. фиг. 24а, представляющую лавку ножевщика; налѣво — покупатель въ уличномъ костюмѣ, т. е., въ туникѣ и тогѣ, направо—продавецъ въ неподпоясанной туникѣ); при выходѣ изъ дому тунику подпоясывали (табл. XX, 4). Цвѣтъ туники былъ обыкновенно бѣлый. Туника сенаторовъ и всадниковъ имѣла продольную пурпуровую кайму, вотканную спереди и сзади; у сенаторовъ она была широкая (clavus latus; отсюда: tunica laticlavia), у всадниковъ — узкая (clavus angustus; отсюда: tunica angusticlavia): см. табл. XIX, 1, 2; XX, 1, 3, 4. Тріумфаторъ (табл. XIX, 3) надѣвалъ тунику, вышитую золотомъ (tunica palmata). Вышитая туника (tunica) picta служила облаченіемъ саліевъ, особой коллегіи, состоявшей изъ 12 жрецовъ Марса, въ честь котораго они совершали процессіи, сопровождая послѣднія воинской пляской; на эту тунику саліи надѣвали панцырь, а на голову—шлемъ съ острымъ наконечникомъ (apex); въ лѣвой рукѣ у нихъ былъ большой щитъ (ancile), въ правой — пика. На изображенной нами монетѣ (фиг. 25) видимъ шлемъ, соотвѣтствующій головному убору фламиновъ (albogalerus) (см. ниже) и два щита (ancilia). Изображенія, которыя представляли бы римскихъ саліевъ, не встрѣчаются; только въ Анагніи (нын.

Anagni) найденъ обломокъ одного рельефа, на которомъ сохранилось изображеніе жрецовъ другой, подобной саліямъ коллегіи

Фиг. 24a Лавка пожевщика.

Фиг. 24b. Кузница.

Фиг. 25.
Шлемъ и два щита саліевъ.

Фиг. 26. Жрецы, напоминающіе саліевъ.

(фиг. 26); правда, щиты имѣютъ тутъ форму иную въ сравне-

ніи съ той, которую видимъ на упомянутой римской монетѣ. Интересно, что туника изображена здѣсь длинною (tunica talaris) и похожа на длинный хитонъ греческихъ жрецовъ: это единственный случай примѣненія длинной туники на почвѣ Италіи. Уже рано вошло въ моду носить двѣ нижнихъ одежды, одну поверхъ другой. Обѣ приготовлялись первоначально изъ шерсти; позднѣе стали употреблять для нижней туники полотно. Туника съ длинными, трубкообразными рукавами (tunica manicata; dalmatica) вошла въ моду лишь со времени императора Коммода.

Что и въ Италіи ремесленники носили греческую эксомиду (exomis) (см. табл. XVIII, 3), доказываетъ небольшой рельефъ, изображающій кузницу (фиг. 24b).

Тога; лена (Toga; laena).

(Табл. XIX, 1—3; XX, 1, 3).

Изъ дому римляне никогда не выходили безъ плаща; въ древнѣйшее время, подобно грекамъ, другой одежды, кромѣ плаща поверхъ передника (subligaculum; campestre; cinctus), они не носили. Плащъ, который надѣвали въ городѣ въ мирное время, назывался тогою (toga по-гречески—τήβεννα, τηβεννίς или τήβεννος); она представляла собою отличительную національную одежду римлянъ, такъ что Августъ имѣлъ полное право называть ихъ племенемъ въ тогахъ — gens togata. Въ древнѣйшее время считалось для римлянина позоромъ вмѣсто тоги носить греческій гиматій — паллій (pallium) (Cic. in Verr. V, 33, 86; pro Rabirio Post. IX, 27). Однако, уже въ началѣ императорской эпохи римляне перестали употреблять тогу въ обыденной жизни — вѣроятно потому, что эта неудобная одежда стѣсняла свободу движеній, и она обратилась въ одѣяніе, которое носили лишь въ торжественныхъ случаяхъ, во время исполненія должностныхъ обязанностей и при дворѣ.

Тога представляла собою кусокъ матеріи, имѣвшій форму кругового сегмента, основаніе котораго равнялось приблизительно 5,60—5,70 метра, высота же дуги доходила до 2—2,25 метра (ср. прилагаемую схему).

Мы уже знакомы съ такимъ покроемъ и встрѣчались съ нимъ при описаніи греческой хламиды и хлены; (стр. 27 и 29) (ср. табл.

XVII, 3). Если тога была т. н. „претекста“, т. е. съ пурпуровою каймою, то послѣдняя украшала основаніе сегмента. Во времена республики тогу носили слѣдующимъ образомъ. Одинъ конецъ спускался съ лѣваго плеча напередъ до самыхъ ногъ, причемъ прямой край шелъ вдоль середины корпуса; дугообразный же край подхватывался лѣвой рукой, такъ что кисть оставалась неприкрытою. Остальная часть тоги отъ лѣваго плеча перекидывалась черезъ спину въ косомъ направленіи—сверху внизъ—подъ правую руку; затѣмъ она облегала грудь, опять-таки въ косомъ направленіи, снизу вверхъ до лѣваго плеча, черезъ которое и перекидывался назадъ второй конецъ одежды; послѣдній — соотвѣтственно

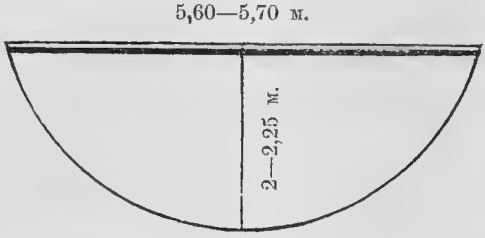


Схема 5. Тога.

переднему концу — также доходилъ до пятъ (табл. XIX, 1). Верхняя часть тоги ложилась часто обильными складками въ видѣ толстаго слоя. Правое плечо и верхнюю часть правой руки можно было также прикрыть тогою вмѣсто того, чтобы край послѣдней опускать подъ рукою (фиг. 27). Точно такимъ же образомъ греки накидывали свой гиматій. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что теперь нерѣдко смѣшиваются на статуяхъ тоги и гиматіи: тогу, впрочемъ, всегда легко отличить по свѣшивающемуся спереди у лѣвой ноги концу и по дугообразной формѣ одной стороны.

Перекинувъ свободный конецъ тоги чрезъ правое плечо назадъ и закрывъ имъ правую руку, въ такой позѣ, по словамъ Квинтиліана, начинали ораторы свою рѣчь; по мѣрѣ оживленія, уже во время рѣчи, они освобождали руку, какъ это видно на одной статуѣ оратора (во Флоренціи), относящейся къ республиканскому періоду (фиг. 28).

Въ послѣднія времена республики вошелъ въ моду болѣе

сложный способъ одѣванія тоги, который не мѣнялся въ теченіе всего перваго періода имперіи. Передній лѣвый конецъ опускали такъ низко, что онъ лежалъ на землѣ, приблизительно на протяженіи полуметра; затѣмъ весь край, который долженъ былъ облегать затылокъ, а за нимъ и переднюю часть корпуса, отгибался наружу на одну треть ширины. Этою частью тоги окружали тѣло справа, но не подъ самою рукою, а ниже — у праваго бедра, вслѣдствіе чего получалась т. н. „перевязь“ или „поясъ (balteus)“, который, по желанію, подымали дугообразно къ

Фиг. 27. Правая рука, прикрытая тогою.

Фиг. 28. Ораторъ произносящій рѣчь.

лѣвому плечу. Послѣ этого упомянутый выше лѣвый длинный край, лежавшій концомъ на землѣ, приподымался подъ „поясомъ“ до такой высоты, что едва лишь касался земли, а та часть матеріи, которая такимъ образомъ вытягивалась вверхъ и какъ бы оставалась лишнею, составляла „напускъ (nodus, umbo)“, свѣшивавшійся впередъ поверхъ того конца тоги, который огибалъ переднюю часть корпуса. Такой способъ одѣванія тоги особенно наглядно можно прослѣдить на прилагаемой фиг. 29

благодаря тому, что правый конецъ платья, т. е. „поясъ“ лежитъ довольно низко на лѣвой рукѣ и такимъ образомъ оставляетъ открытою всю грудь. Наконецъ, отогнутый наружу край тоги, называвшійся изгибомъ „синусомъ (sinus)“, который, какъ уже было упомянуто, огибалъ спину и правый бокъ, приподымали на груди вверхъ и прикрывали имъ затылокъ и заднюю часть праваго плеча, рѣже перетягивали на верхнюю часть правой руки, а въ иныхъ случаяхъ прикрывали имъ всю правую руку.

Фиг. 29. „Поясъ (balteus)“ и напускъ (umbo) тоги.

Фиг. 30. Типичный способъ надѣванія тоги.

При жертвоприношеніяхъ этимъ концомъ тоги покрывали голову (табл. XX, 3 и фиг. 31). На ряду съ рисунками на таблицѣ XIX, типичный способъ ношенія тоги представляетъ одна статуя (фиг. 30), имѣющая ту особенность, что лѣвая рука здѣсь заложена за спину, благодаря чему ясно обрисовывается край изгиба—синуса (sinus) во всю его длину.

Приведенное описаніе способа ношенія тоги, составленное на основаніи образцовъ, представляемыхъ хорошими статуями, согласуется и съ требованіями, которыя приводитъ Квинтиліанъ

(XI, 3, 137 и сл.). На основаніи послѣднихъ можно было бы еще добавить: 1) что загибаемый край тоги спереди долженъ былъ свѣшиваться лишь до средины голени, сзади же менѣе — правило, которое, какъ показываютъ статуи, въ лучшее время уже болѣе не соблюдалось — и 2) что тунику слѣдовало подъ правой рукой немного приподымать, чтобы она не стѣсняла движеній при оживленной жестикуляціи.

Положеніе краевъ тоги становится особенно яснымъ на тѣхъ изображеніяхъ, гдѣ представлена тога претекста (praetexta), какъ это видимъ, между прочимъ, на прилагаемомъ рисункѣ, заимствованномъ изъ одной помпеянской картины (фиг. 31). Согласно сказанному выше, пурпуровою каймою украшенъ здѣсь прямой край тоги; онъ виденъ равнымъ образомъ и на напускѣ (umbo). Затѣмъ эта кайма облегаетъ голову, спускается вмѣстѣ съ тогою позади праваго плеча, тянется вдоль всего изгиба-синуса и, огибая лѣвое плечо, ниспадаетъ сзади, вѣроятно, до земли. Соотвѣтственно этому и обозначены ясно края тоги на рисункахъ среднемъ и правомъ, въ верхнемъ ряду таблицы XIX и на фигурѣ, изображающей авгура на таблицѣ XX. На средней фигурѣ таблицы XIX напускъ и синусъ еще очень малы, особенно послѣдній: данная фигура относится къ переходному времени, когда тога періода республиканскаго стала постепенно подчиняться модѣ, установившейся въ началѣ эпохи императорской. Чрезмѣрно широкій синусъ, какъ и вообще очень пышная, сдѣланная изъ богатой матеріи тога, считалась признакомъ щегольства. Цицеронъ (Cat. II, 10, 22) называетъ сообщниковъ Катилины одѣтыми въ паруса, а не въ тоги (velis amictos, non togis); Овидій и Тибуллъ также упоминаютъ о подобной простор-

Фиг. 31. Тога претекста.

ной тогѣ (toga laxa) и о развѣвающемся синусѣ (sinus effusus или laxus). Небольшія, плотно прилегавшія къ тѣлу тоги свидѣтельствовали о бережливости или бѣдности. Катонъ носилъ тѣсную тогу (Horat. Ep. I, 18, 30); объ Августѣ говоритъ Светоній, что онъ соблюдалъ въ этомъ отношеніи должную мѣру. Тоги умѣренной ширины видимъ равнымъ образомъ и на рельефахъ воздвигнутаго Августомъ жертвенника Ara Pacis. — Эти рельефы, кромѣ того, даютъ намъ представленіе о тѣхъ или другихъ небольшихъ варіаціяхъ въ способѣ ношенія данной одежды, хотя въ общемъ такихъ варіацій было немного.

Фиг. 32. Тога позднѣйшаго времени.

Фиг. 33. T. n. cinctus gabinus.

Одѣвать и носить тогу было нелегко. Не малыя затрудненія возникали въ тѣхъ случаяхъ, когда желали придать ей видъ, отвѣчавшій всѣмъ требованіямъ моды и не мѣнявшійся на улицѣ. За первымъ слѣдили особые рабы (vestiplici), забота о послѣднемъ лежала на самомъ носителѣ тоги, движенія котораго должны были отличаться достоинствомъ и спокойствіемъ. Какое значеніе придавали безукоризненному виду тоги, можно, между

прочимъ, судить по извѣстному анекдоту объ ораторѣ Гортенсіи, который подалъ въ судъ жалобу на товарища за то, что послѣдній, проходя мимо него по одной изъ узкихъ улицъ города, нечаянно задѣлъ его и привелъ въ безпорядокъ складки тоги.

Со времени Траяна способъ ношенія тоги становился все сложнѣе. Прежде всего загибаемому концу, т. е. „поясу“ было дано болѣе отвѣсное положеніе, а прежній напускъ, который перестали носить мѣшкомъ, теперь былъ приподнятъ и ложился уже на лѣвое плечо поверхъ другихъ частей тоги (фиг. 32). Вскорѣ край напуска, облегавшій плечо въ горизонтальномъ направленіи, стали сгибать въ нѣсколько складокъ, что послужило началомъ новой моды; эта драпировка (contabulatio, tabulae—складки) становилась все богаче и шире, и въ концѣ концовъ поперечныя складки напуска стали прикрывать грудь въ видѣ пластрона или щитика. Кромѣ того, эти складки распространились постепенно и на остальные края, которые такимъ образомъ облегали тѣло широкими пышно выдѣлявшимися полосами. Въ данномъ процессѣ постепеннаго развитія моды въ ношеніи тоги все болѣе и болѣе проявляется стремленіе къ офиціальному однообразію костюма; все менѣе и менѣе предоставляется свободы вкусу отдѣльныхъ лицъ; теряется и возможность простой случайности, придававшей нерѣдко особую прелесть одеждѣ. Вечеромъ, наканунѣ того дня, когда слѣдовало надѣть такую тогу, надлежало искусно приготовить всѣ складки и отдѣльныя группы складокъ скрѣпить небольшими щипцами, которые, конечно, снимались послѣ того, какъ тога была надѣта.

Слѣдуетъ еще упомянуть особый способъ ношенія тоги въ древнее время на войнѣ, а именно — такъ называемый cinctus gabinus (значеніе этого слова темно; во всякомъ случаѣ, оно имѣло какое-то отношеніе къ городу Габіямъ). Въ данномъ случаѣ передняя часть тоги, спускавшаяся на правое бедро, обхватывала затѣмъ талію, какъ поясъ, такъ что руки оставались совершенно свободными. Представленіе о подобной одеждѣ даютъ намъ статуэтки ларовъ (домашнихъ боговъ), которые, согласно съ преданіемъ, изображались въ cinctus gabinus (фиг. 33). Такой же костюмъ находится на небольшой древне-италійской бронзовой статуэткѣ, хранящейся въ Дрезденѣ, которая представляетъ маль-

чика, совершающаго возліяніе изъ высоко приподнятой чаши (фиг. 34); малые размѣры тоги не должны насъ смущать въ виду того, что передъ нами костюмъ весьма древняго времени. Позднѣе cinctus gabinus сохранился лишь при извѣстныхъ религіозныхъ обрядахъ, имѣвшихъ притомъ отношеніе къ военному дѣлу; а такъ какъ этотъ обрядъ обусловливался именно культомъ, то тогою прикрывали и голову, какъ это бывало постоянно во время

Фиг. 34. Древнѣйшій cinctus gabinus.

жертвоприношеній. Точно такъ же подпоясывались свободнымъ концомъ тоги и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходило до уличныхъ столкновеній, а ту часть, которая составляла т. н. напускъ (umbo), обвертывали вокругъ лѣвой руки, защищая ее такимъ образомъ отъ ударовъ. Въ этомъ видѣ слѣдуетъ представить себѣ тоги на римлянахъ во время уличной борьбы въ день смерти Тиверія Гракха.

Тоги приготовлялись изъ шерстяной матеріи, при чемъ, по

всей вѣроятности, съ ткацкаго станка получалась прямо одежда въ готовомъ видѣ. Въ древнѣйшее время матеріалъ былъ довольно тяжелый (toga pinguis); Катонъ носилъ мохнатую тогу (toga hirta). Въ позднѣйшее время приготовляли тоги изъ болѣе тонкой ткани; случалось нерѣдко, что кайма туники просвѣчивала сквозь тогу; такого рода тоги извѣстны подъ названіемъ прозрачныхъ (togae vitreae). Въ качествѣ матеріала лица богатыя выбирали самые дорогіе сорта шерсти; нѣкоторые изъ этихъ сортовъ перечисляетъ поэтъ Марціалъ (шерсть изъ Тарента, Тартесса въ Испаніи, изъ окрестностей Аквилеи; красильни — въ Аминлахъ подъ Спартой и въ Милетѣ).

Обыкновенная тога гражданина была бѣлаго ц в ѣ т а (toga pura). Кто добивался какой-либо должности, облачался въ тогу особенной бѣлизны, которая получалась посредствомъ натиранія матеріи мѣломъ (toga candida eademque cretata = τήβεννα λαμπρά: см. табл. XIX, 1). Свободнорожденные мальчики, затѣмъ и высшіе сановники, какъ-то: консулы, преторы, цензоры, начальникъ конницы (magister equitum), курульные эдилы, диктаторъ и верховные жрецы, носили тогу претексту (toga praetexta), о которой мы уже неоднократно упоминали (табл. XX, 3). По достиженіи 16-лѣтняго возраста мальчики снимали съ себя претексту и получалу бѣлую мужскую тогу (toga virilis). Въ качествѣ отличія за особыя заслуги претексту позволялось иногда носить даже такимъ лицамъ, которыя по своему положенію на это права не имѣли. Наконецъ, носили претексту часто и императоры.

Бывали тоги и пурпуроваго цвѣта (toga purpurea), украшаемыя большею частью богатыми шитыми золотомъ узорами и называвшіяся въ данномъ случаѣ расшитыми (toga picta). Подъ расшитою пурпурнаго цвѣта тогою носили также вышитую золотомъ тунику (tunica palmata; табл. XIX, 3). Въ такомъ костюмѣ праздновали свой тріумфъ побѣдоносные полководцы, а высшіе сановники предсѣдательствовали на устраиваемыхъ ими же играхъ. Цезарю незадолго до его смерти было предоставлено право носить такого рода одежду постоянно; императоры, однако, облачались въ расшитыя золотомъ пурпурныя тоги и туники лишь въ особенно торжественныхъ случаяхъ.

Въ знакъ траура надѣвали тогу темнаго цвѣта (toga pulla); такую же тогу, только съ пурпуровой каймой, носилъ распоря-

дитель частныхъ игръ (dominus ludorum), которыми чествовалась память умершаго (табл. XIX, 2). Подсудимые являлись тоже въ темныхъ тогахъ (sordidati: Cic. pro Sestio XII, 27). Кто носилъ обыкновенно претексту, тотъ могъ въ знакъ траура одѣвать бѣлую тогу. Если же пурпуровая кайма была не воткана, а только нашита, то надѣвали тогу на выворотъ, такъ что каймы вовсе не было видно (для обозначенія такого дѣйствія употреблялся терминъ mutare vestem, что значитъ—перемѣнить одежду).

Въ заключеніе даннаго отдѣла упомянемъ о мантіи фламиновъ или спеціальныхъ жрецовъ отдѣльныхъ боговъ (табл. XX, 1): судя по нѣкоторымъ указаніямъ авторовъ, фламины носили тогу претексту; съ другой же стороны, вещественные памятники доказываютъ, что мантія этихъ жрецовъ по формѣ нисколько не отличалась отъ обыкновенной тоги, и что послѣднюю они носили точно такъ же, какъ это было принято въ древнія времена. Одинъ конецъ, какъ у тоги, спускался съ лѣваго плеча до земли; весь остальной кусокъ закидывался назадъ, облегалъ затылокъ и перебрасывался черезъ правое плечо напередъ, такъ что правая рука оказывалась совершенно прикрытой. Затѣмъ тотъ же свободный край съ праваго плеча перебрасывали на лѣвое, вслѣдствіе чего получались дугообразныя поперечныя складки на груди. Закинутый такимъ образомъ свободный правый конецъ тоги спускался сзади до земли, подобно другому концу — лѣвому, который свѣшивался тоже съ лѣваго плеча напередъ. На лѣвомъ плечѣ, слѣдовательно, лежали два слоя тоги—нижній и верхній, прямолинейный съ красною каймою. Послѣдній загибался немного на груди, и получался такой же „поясъ — balteus“, какъ у тоги. Руки приходилось держать постоянно нѣсколько приподнятыми: въ противномъ случаѣ онѣ исчезли бы совершенно подъ платьемъ и не были бы свободны для жертвоприношеній. Возможно, что для поддерживанія ниспадавшихъ концовъ мантіи пользовались и пряжками—фибулами; о послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ лексикографъ Фестъ. Описанный способъ надѣванія мантіи фламиномъ, за исключеніемъ положенія лѣвой руки, напоминаетъ древнѣйшій пріемъ ношенія тоги, который и примѣнялся ораторами въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе, по Квинтиліану, приступали къ рѣчи (фиг. 27): стоило лишь фламину, приподнявъ подъ одеждой правую руку, опустить

кисть ея на край тоги, облегавшій грудь, и получалось полное сходство съ позою и драпировкою одежды оратора. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ костюмѣ фламиники, сохранилась черта древняго времени: вѣдь самый фактъ установленія супружества этой жреческой четы имѣлъ цѣлью постоянно давать народу примѣръ чистаго, святого брака, который долженъ былъ такимъ образомъ напоминать собою добрую старину. О прочихъ частяхъ костюма фламиновъ см. отдѣлъ о головномъ покровѣ и объясненіе рисунковъ.

Фиг. 35. Августъ въ тогѣ, надѣтой такъ же, какъ мантія фламина.

Мантія фламина называется въ нѣкоторыхъ случаяхъ также л е н о ю (laena). По преданію, фламиника должна была собственноручно соткать ее изъ шерсти; матерія употреблялось плотная и мохнатая. Въ другихъ мѣстахъ у авторовъ подъ леною разумѣется теплая накидка, которую носили на улицѣ; въ миѳическихъ разсказахъ такимъ названіемъ обозначали плащъ героевъ. Въ этихъ случаяхъ лена по своей формѣ не могла быть тождественна съ тогой фламина, но соотвѣтствовала, очевидно, греческой хленѣ. Какъ греческое названіе этой одежды, такъ и образованное изъ него латинское слово (laena) указываетъ на одежду грѣющую. Такъ какъ тога фламина, какъ мы видѣли, приготовлялась изъ особенно толстой шерстяной матеріи, то вполнѣ понятно происхожденіе этого спеціальнаго ея названія.

Обломокъ фриза жертвенника Ara Pacis Augustae, на которомъ

Августъ изображенъ въ санѣ верховнаго жреца (pontifex maximus), представляетъ намъ императора въ тогѣ, надѣтой совершенно тѣмъ же способомъ, какой встрѣчаемъ у фламиновъ (фиг. 35).

Плащи (Paenula; lacerna; birrus; abolla; paludamentum; sagum). (Табл. XIX, 4, 6).

Двѣ крайнія фигуры нижняго ряда на таблицѣ XIX даютъ намъ представленіе о плащѣ, называемомъ пенула (paenula), который подъ подбородкомъ сшивался или застегивался и напоминалъ такимъ образомъ современное манто (Radmantel). Сверху на пенулу нашивался капюшонъ (cucullus), который долженъ былъ, очевидно, служить защитою во время непогоды; поэтому и приготовляли его или изъ мягкой кожи, или изъ плотной шерстяной матеріи, которая называлась gausape (paenula gausapina). Пенулы, какъ доказываютъ памятники, бывали различныя: большія и малыя. Носили ихъ прежде всего въ дурную погоду, а затѣмъ во время путешествія. Въ первомъ случаѣ пенулу надѣвали поверхъ тоги; ее носили и женщины. Мало-помалу пенула, благодаря своей дешевизнѣ и бо̀льшему удобству вытѣснила и самую тогу. Особенно широкимъ распространеніемъ пользовался описываемый нами плащъ среди военныхъ; ликторы носили его постоянно (табл. XIX, 6).

Объ упоминаемыхъ у авторовъ плащахъ—lacerna, birrus, abolla можно составить весьма неясное представленіе: по крайней мѣрѣ, на извѣстныхъ намъ скульптурныхъ изображеніяхъ образцовъ ихъ не находимъ. Можно предполагать, что всѣ три вида плаща были однородны съ греческой хламидой. У лацерны, по всей вѣроятности, былъ капюшонъ; относительно бирра мы знаемъ это достовѣрно. Существовали лацерны дорогія, тонкой работы, но бывали и грубые сорта, которые должны были служить защитою во время бури и непогоды. Бирръ перешелъ въ Римъ изъ Галліи; названіе этого костюма объясняется тѣмъ, что обыкновенно онъ окрашивался въ красный цвѣтъ.

Греческой хламидѣ вполнѣ соотвѣтствовали военные плащи: paludamentum, т. е. плащъ офицеровъ, по преимуществу полководца, и солдатскій плащъ—сагумъ (sagum).

Головной покровъ.

Шляпы въ Италіи, повидимому, не имѣли такого широкаго распространенія, какъ это было въ Греціи: отъ солнца и дождя защищались въ дорогѣ капюшонами плащей. При случаѣ, однако, носили и шляпы: таковы, напримѣръ, были—македонская кавсія (causia) и ѳессалійскій петасъ (petasus). Послѣдній былъ особенно распространенъ въ эпоху императоровъ: имъ покрывали голову въ амфитеатрѣ, чтобы защитить глаза отъ ослѣпительныхъ лучей солнца. Кожаною шапкой (соотвѣтствующей греческой κυνέη) покрыта голова кузнеца на приведенномъ выше рельефѣ (фиг. 24b).

Своеобразный головной уборъ, въ родѣ шлема, носили жрецы—фламины (табл. XX, 1). Т. н. albogalerus представлялъ собою плотно прилегавшую къ головѣ кожаную шапку бѣлаго цвѣта съ вырѣзами для ушей; края оправлялись въ металлъ, а надъ ушами красовался иногда вышитый узоръ въ видѣ золотой пальмовой вѣтки; два подбородочные ремня соединялись у шеи. Фламинъ не снималъ своей шапки въ теченіе всего дня. На шапкѣ фламина находилась круглая бляха, надъ которой торчалъ остроконечный шишакъ изъ оливковаго дерева; послѣдній обвертывался бѣлою шерстяною нитью и заканчивался помпономъ. Вспомнимъ въ данномъ мѣстѣ значеніе бѣлой шерсти въ головномъ уборѣ фламиники и весталокъ. Оливковое дерево нарочно выбиралось потому, что оно служило живымъ символомъ мирнаго культурнаго преуспѣянія и благословеннаго плодородія. Подобный шлемъ, какъ мы видѣли, носили и саліи (фиг. 25), а найденные въ новѣйшее время и неоднократно уже упомянутые нами рельефы жертвенника Ara Pacis Augustae показали, что шлемъ, подобный описанному, носилъ и верховный жрецъ (pontifex maximus), съ тою, впрочемъ, разницею, что у него круглая бляха не прилегаетъ къ самому шлему, но пересѣкаетъ средину острія (apex) (фиг. 35). Такъ какъ головной уборъ понтифекса и фламина называется иногда „pilcus или pilleus“, а послѣдній, согласно съ обыкновеннымъ его примѣненіемъ (онъ возлагался, напримѣръ, на голову рабовъ въ день дарованія имъ свободы [1]), входилъ, должно быть, въ составъ древняго гражданскаго празд-

[1]) „Servos ad pileos vocare“ значило—возмутить рабовъ, обѣщая имъ свободу.

ничнаго наряда, то и здѣсь, очевидно, какъ и въ костюмѣ жрецовъ, фламиники и весталокъ, мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ старины.

Обувь (Sandalia; socci; perones; campagi; caligae; calcei). (Табл. XIX и XX).

Греческимъ простымъ сандаліямъ соотвѣтствовали у римлянъ т. н. soleae или sandalia (табл. XX, 4), греческимъ низкимъ башмакамъ — socci (табл. XX, 2 и 5).

На ногахъ двухъ крайнихъ фигуръ нижняго ряда на табл. XIX и правой фигуры того же ряда на таблицѣ XX видимъ шнурованные полусапоги; подобную обувь носитъ простой народъ въ Римѣ и въ наше время; такой видъ, должно быть, имѣли и римскіе полусапоги-перонны—perones. Легкая обувь, нѣчто среднее между сандаліями и сапогами, называлась „campagi“ или „compagi“; во (времена Юстиніана это были совсѣмъ легкіе башмаки (каковые изображены, между прочимъ, на одной мозаикѣ въ Равеннѣ). Съ видомъ солдатской обуви (caliga) знакомитъ насъ средній рисунокъ въ нижнемъ ряду на таблицѣ XIX (возница); подошвы солдатскихъ сапогъ подбивались гвоздями. Спеціально-римскую офиціальную обувь представлялъ собою башмакъ, называемый „calceus“. Если надѣвали пенулу или лацерну, то ноги обували въ сандаліи; если же облачались въ тогу, то неизбѣжными являлись calcei на ногахъ. Различали разные виды только-что упомянутой обуви, и каждый изъ нихъ—по крайней мѣрѣ, въ первое время — дозволялось носить лишь лицамъ извѣстнаго сословія. Т. н. „calceus patricius—башмакъ патриціевъ“ имѣли право носить только сенаторы-патриціи; сенаторы-плебеи могли обувать „сенаторскій башмакъ [1]) calceus senatorius“. Третій видъ башмаковъ, которымъ нѣкогда пользовались цари, и который присвоилъ себѣ Цезарь—былъ т. н. „calceus mulleus—красный башмакъ“. Вещественные памятники знакомятъ насъ только съ однимъ видомъ башмака „calceus“, представляющимъ лишь самыя незначительныя, несущественныя варіаціи. Главную составную часть описываемой нами обуви составлялъ башмакъ изъ мягкой

[1]) „Calceos mutare“ значило — сдѣлаться сенаторомъ.

кожи, немного превышавшій щиколотку и имѣвшій сбоку разрѣзъ, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ у нашихъ щиблетовъ находится резина. Къ его верхнему краю сзади, подъ пяткою прикрѣплялись два длинныхъ ремня; точно такъ же пришивались два ремня и къ краю подошвы—справа и слѣва—ближе къ пальцамъ. Послѣдняя пара ремней облегала крестообразно подъемъ ступни и затѣмъ, точно такъ же, какъ и первая, обвивала плотно сгибъ и голень ноги приблизительно до икры. Обѣ пары связывались спереди узлами: одна—непосредственно надъ подъемомъ ступни, другая — выше. Концы ремней свѣшивались внизъ, при чемъ верхніе, для удобства, обыкновенно продѣвались чрезъ одну изъ нижнихъ перевязей (табл. XIX, 1, 2; XX, 1, 3).

На башмакъ патриціевъ нашивался полумѣсяцъ изъ слоновой кости, который, къ сожалѣнію, на изваяніяхъ нигдѣ не встрѣчается: упоминаютъ о немъ лишь авторы. Прибавкою полумѣсяца, вѣроятно, и отличался башмакъ патриціевъ отъ сенаторскаго. Въ древнѣйшее время башмаки того и другого вида были краснаго цвѣта; во времена Цезаря, впрочемъ, этотъ цвѣтъ вышелъ изъ моды; впослѣдствіи, какъ намъ достовѣрно извѣстно, сенаторскій башмакъ былъ чернаго цвѣта. Краснаго цвѣта остался только calceus mulleus, чѣмъ и объясняется самое его названіе; онъ отличался, кромѣ того, очень толстой подошвой. Къ верхней части башмака прикрѣплялись костяныя или металлическія пуговки или крючки, которые на сохранившихся памятникахъ однако не встрѣчаются.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что подъ шнуровку башмака подкладывали иногда полоску мягкой закругленной внизу кожи, т. н. язычекъ. Послѣдняя могла быть короткая и широкая, такъ что ея края скрывали боковые разрѣзы съ обѣихъ сторонъ башмака, или же язычекъ дѣлался длиннѣе и прикрывалъ собою и подъемъ ступни; иногда же полоска бывала настолько длинна, что свѣшивалась сверху надъ самою шнуровкою. Эта-то свѣшивающаяся наружу часть кожи и называлась, собственно, язычкомъ (lingula).

Прическа; драгоцѣнныя украшенія.

Приблизительно до 300 г. до Р. Х. римляне носили длинные волосы; съ этого же времени всѣ, даже мальчики, стали стричь голову коротко. Только у камилловъ—юношей, прислуживавшихъ при жертвоприношеніяхъ, встрѣчается прическа изящной формы, которая заставляетъ предположить, что послѣдніе носили волосы длинные (табл. XX, 4). Изъ Греціи переходитъ обычай брить бороду и усы. Эта мода продержалась до временъ Адріана, который отростилъ бороду, а его примѣру послѣдовали другіе.

На пальцы надѣвались перстни съ печатями, достигавшіе въ позднѣйшее время большой цѣнности; въ древнѣйшую же эпоху довольствовались желѣзнымъ кольцомъ съ печатью; его носили на пальцѣ правой руки. Мальчики до 16-тилѣтняго возраста, т. е. до того дня, когда они снимали съ себя тогу претексту, носили на шеѣ т. н. буллу (bulla)—золотой медальонъ, въ который заключали какой-нибудь амулетъ (см. фиг. 21).

ИСТОРІЯ РИМСКОЙ ОДЕЖДЫ.

Такъ какъ при описаніи отдѣльныхъ частей костюма уже было указано на ихъ историческое развитіе, то въ данномъ отдѣлѣ остается лишь подвести итогъ сказанному раньше. Въ древнѣйшее время тога составляла одежду одинаково какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Подъ тогою у первыхъ первоначально, по всей вѣроятности, былъ только передникъ, а затѣмъ—короткая туника; женщины надѣвали длинную тунику, нерѣдко двѣ туники. Способъ одѣванія туники состоялъ въ томъ, что одинъ ея край спускали съ лѣваго плеча внизъ, остальной же кусокъ матеріи прикрывалъ спину и весь правый бокъ, или только его часть, самый же свободный конецъ перекидывался черезъ грудь за лѣвое плечо назадъ. Во время столкновеній этимъ концомъ обвязывали бедра, такъ что для движеній освобождались обѣ руки (cinctus gabinus). Мантія фламиновъ и верховнаго жреца составляла наслѣдіе старинной одежды, при которой прикрывалась вся правая сторона корпуса. Матеріаломъ для платья на первыхъ порахъ служила шерсть. У выше названныхъ жрецовъ сохранился и древнѣйшій гражданскій головной покровъ—pilleus, плотно прилегавшая къ головѣ шапка яйцевидной формы. Приблизительно до 300 г. до Р. Х. мужчины носили длинные волосы и бороду; затѣмъ вошло въ моду стричь волосы и брить лицо. Женщины надѣвали на голову чепчикъ, а поверхъ него носили тонкое цвѣтное покрывало съ бахромой. Обувью какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ первоначально служилъ полусапогъ—calceus.

Въ позднѣйшую эпоху, т. е. во времена республики, жен-

щины стали носить вмѣсто тоги соотвѣтствовавшую греческому гиматію—паллу (palla). Только дѣвочки-подростки—приблизительно до 16-тилѣтняго возраста—ходили еще въ тогѣ. Головное покрывало, составлявшее принадлежность женскаго костюма, мало-по-малу выходитъ изъ употребленія; оно сохранилось лишь въ подвѣнечномъ нарядѣ и въ костюмѣ двухъ жрицъ, кромѣ того, надѣвалось иногда при богослужебныхъ обрядахъ. Вмѣсто шерсти стали пользоваться уже полотняными матеріями; входитъ также въ употребленіе полушелкъ и шелкъ. Сандаліи или мягкіе башмаки смѣнили прежніе полусапожки.

Въ такомъ видѣ, соотвѣтственно греческимъ образцамъ, сохранился безъ измѣненій женскій костюмъ до самаго поздняго времени; только въ правленіе императора Коммода вошла въ употребленіе туника съ длинными рукавами. Зато прическу дамы мѣняли постоянно: вліяніе моды въ этомъ отношеніи было настолько сильно, что портретныя статуи приготовлялись ваятелями такъ, что самую прическу можно было снимать съ головы и замѣнять ее, по мѣрѣ надобности, новою. И на практикѣ, въ жизни, прически были часто искусственныя; дѣло въ томъ, что римлянки—своимъ чернымъ волосамъ предпочитали бѣлокурыя, рыжеватыя; такимъ образомъ, косы галлокъ и германокъ находили большой сбытъ въ Италіи.

Мужчины старались, по возможности, во всемъ подражать императорамъ; такъ было и съ прическою. Что касается мужской тоги, что одѣваніе и ношеніе послѣдней становится все сложнѣе и искусственнѣе; поэтому уже въ послѣднія времена республики въ обыденной жизни вмѣсто тоги начали пользоваться одеждою болѣе удобнаго покроя, напр. пенулою. Въ концѣ концовъ въ тогахъ стали появляться лишь высокопоставленныя лица и то въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Со временъ Коммода у мужчинъ, какъ и у женщинъ, вошло въ обычай носить туники съ рукавами.

Если бы мы пожелали въ заключеніе провести параллель между костюмомъ римскимъ и греческимъ, то пришли бы къ слѣдующимъ выводамъ. Въ римской одеждѣ наблюдается большее разнообразіе мотивовъ, придававшее особую отличительную внѣшность представителямъ разныхъ сословій и партій; одежда грековъ, напротивъ, отличалась благородною простотою. Это

обиліе мотивовъ одежды, наравнѣ съ стремленіемъ римлянина къ ослабленію индивидуальности, привело къ тому, что и одежда была подведена тоже подъ строго опредѣленные закономъ образцы; такъ явились официальные костюмы, явилась форма. Что касается классической почвы Эллады, то напрасно бы мы искали тамъ хотя бы и намековъ на такое однообразіе одежды: подобное объединеніе было чуждо духу народа, преклонявшагося передъ индивидуальностью и предоставлявшаго послѣдней свои особыя права.

Литература.

Weiss, Kostümkunde, Handbuch der Geschichte der Tracht, des Baues und des Geräthes der Völker des Altertums I, стр. 940 и сл.

Becker-Göll, Gallus III, стр. 189 и сл.

Guhl und Koner, Leben der Griechen und Römer, 6 Aufl., стр. 728 и сл.

Marquardt-Mau, Privatleben der Römer, стр. 550 и сл.

Müller, у Baumeister'a въ его Denkmäler des klassischen Altertums III, стр. 1822 и сл. (Toga etc.).

Blümner, тамъ же I, стр. 575 и сл. (Fussbekleidung).

Heuzey, въ Revue de l'art I, стр. 98 и сл., 204 и сл.; II, стр. 193 и сл., 295 и сл. (La toge romaine).

Его же, статья въ лексиконѣ Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités I, стр. 815 и сл. (calceus).

Saglio, тамъ же I, стр. 859 (camillus) и 862 (compagus).

Jullian, тамъ же II, стр. 1156 и сл. (flamen, flaminica).

Benndorf, въ Annali dell' Istituto 1869, стр. 70 и сл. (Salier).

Helbig, Sitzungsberichte der k. bayr. Akad der Wissensch. 1880, стр. 487 и сл. (pilleus).

Jordan, Der Tempel der Vesta und das Haus der Vestalinnen, стр 47 и сл.

Dragendorff, въ Rheinisches Museum für Philologie LI, стр. 1 и сл. (Vestalinnen).

Wüscher-Becchi, въ Bulletino comunale della commissione archeol. romana, 1897, стр. 301 и сл. (flamen).

Его же, статья въ Römische Quartalschrift 1902, стр. 232 и сл. (Vestalinnen).

Wilpert, Un capitolo di storia del vestiario (toga, mappa etc.).

Petersen, Ara Pacis Augustae—въ разныхъ мѣстахъ (toga; calcei; flamen; pontifex maximus).

E. Caetani-Lovatelli, Antichi monumenti illustrati, стр. 145 и сл. (auriga).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Перечень рисунковъ на таблицахъ XVI—XX.

XVI, 1. *) Фигура женщины въ неподпоясанномъ пеплосѣ, въ первоначальномъ его видѣ. Дорическая одежда (Ἐσθὴς Δωρίς). Стр. 9.

2. Фигура молящейся женщины въ узорчатомъ, закрытомъ и подпоясанномъ пеплосѣ, въ сандаліяхъ; на головѣ — повязка (κρήδεμνον). Пестрый пеплосъ (Πέπλος ποικίλος). Стр. 10, 11, 12, 30.

3. Фигура женщины въ полузакрытомъ, неподпоясанномъ пеплосѣ и въ сандаліяхъ; она застегиваетъ платье на правомъ плечѣ. Пеплосъ коринѳскій и аттическій (Πέπλος Κορίνθιος καὶ Ἀττικός). Стр. 9, 10.

4. Фигура женщины въ высоко подпоясанномъ хитонѣ (χιτών) и въ хланидѣ (χλανίς); на ногахъ сандаліи, волосы украшены вѣнкомъ; въ правой рукѣ вѣеръ. Стр. 16, 17, 28, 31, 37, 46.

5. Фигура женщины въ неподпоясанномъ хитонѣ (χιτὼν ὀρθοστάδιος); она надѣваетъ гиматій (ἱμάτιον) или фаросъ; на ногахъ сандаліи; на головѣ чепчикъ (κεφαλὴ περίδετος). Стр. 17, 22, 36, 37, 46.

6. Фигура женщины въ хитонѣ (χιτών), подпоясанномъ два раза, и въ сандаліяхъ; она приводитъ въ порядокъ куафюру, (подкладывая подъ волосы т. н. κεκρύφαλος). Стр. 15, 31, 35.

XVII, 1. Фигура женщины въ подпоясанномъ хитонѣ (χιτών), поверхъ котораго накинутъ неподпоясанный пеплосъ (πέπλος); на ногахъ сандаліи; въ лѣвой рукѣ она держитъ зеркальце, а правой поправляетъ прическу, перевязанную широкой лентой. Стр. 11, 33, 35, 42.

2. Фигура женщины времени Писистратидовъ. Іонійская одежда (Ἐσθὴς Ἰάς). Стр. 16, 27, 41.

---

*) №№ 1, 2 и 3 обозначаютъ — лѣвую, среднюю и правую фигуры верхняго ряда.

№№ 4, 5 и 6 обозначаютъ — лѣвую, среднюю и правую фигуры нижняго ряда.

3. Фигура женщины въ высоко подобранномъ, подпоясанномъ хитонѣ и въ сандаліяхъ на ногахъ; она надѣваетъ хлену (χλαῖνα). Копія съ античной, хранящейся въ Луврѣ статуи, такъ называемой Артемиды Габинской. Стр. 16, 26, 27, 41, 56.
4. Фигура женщины въ хитонѣ (χιτών), поддерживаемомъ на плечахъ при помощи шнурка, въ гиматіи (ἱμάτιον) и въ сандаліяхъ; прическа имѣетъ волнистый видъ (т. н. по-нѣм. — „Melonenfrisur"). Копія съ античной, хранящейся въ Ватиканѣ статуэтки Стр. 16, 24, 26, 44.
5. Киѳаредъ въ шитомъ золотомъ хитонѣ съ рукавами (χειριδωτὸς χιτών), поверхъ котораго надѣтъ обыкновенный, подпоясанный хитонъ (χιτών), а затѣмъ еще накинута прошитая золотомъ хлена (χλαῖνα); на ногахъ сандаліи; на головѣ золотая повязка (ταινία) и лавровый вѣнокъ; въ лѣвой рукѣ—киѳара (она виситъ на широкомъ ремнѣ, свѣшивающемся съ праваго плеча, такъ что лѣвая рука можетъ свободно перебирать струны); въ правой рукѣ—плектръ (πλῆκτρον), палочка, которою ударяли по струнамъ. Стр. 18, 27, 42.
6. Фигура женщины въ траурѣ; хитонъ и гиматій (χιτών—ἱμάτιον); послѣдній покрываетъ также и голову; на ногахъ сандаліи. Стр. 16, 24, 25.

XVIII, 1. Юноша въ подпоясанномъ два раза короткомъ хитонѣ (χιτών) и въ эндромидахъ (ἐνδρομίδες); онъ читаетъ свертокъ пергамента. Стр. 21, 22, 31, 33.
2. Жрецъ въ неподпоясанномъ, длинномъ хитонѣ (χιτὼν ποδήρης ὀρθοστάδιος), въ сандаліяхъ; на головѣ бѣлая повязка (ταινία) и вѣнокъ (жрецы во время жертвоприношенія встрѣчаются на античныхъ изображеніяхъ только въ передникѣ, прикрывающемъ чресла). Стр. 20, 32.
3. Ремесленникъ въ подпоясанной эксомидѣ (ἐξωμίς, хит. ἑτερομάσχαλος—хитонъ съ одн. рукавомъ); на головѣ шляпа (πῖλος). Стр. 22, 33, 55.
4. Старикъ въ хитонѣ (χιτών), хленѣ (χλαῖνα), собств.— въ трибонѣ (τρίβων) и въ сандаліяхъ. Стр. 25, 26, 32.
5. Знатный человѣкъ въ хитонѣ, гиматіи (χιτών — ἱμάτιον) и въ сандаліяхъ. Стр. 22, 23, 32.

6. Молодой человѣкъ въ хламидѣ (χλαμύς) и въ сандаліяхъ; на головѣ шляпа петасъ (πέτασος). Стр. 28, 32, 34.

XIX, 1. Римлянинъ въ туникѣ съ узкою каймою (tunica angusticlavia) и въ бѣлой тогѣ (toga pura или candida); на ногахъ полусапоги патриціевъ (calcei patricii). Стр. 53, 56, 63, 68.

2. Римлянинъ въ траурѣ; на немъ туника съ узкою полосою (tunica angusticlavia), темная тога (toga pulla) и полусапоги патриціевъ (calcei patricii) (распорядитель (dominus ludorum). Снимокъ со статуи, хранящейся въ Луврѣ. Стр. 53, 56, 68.

3. Тріумфаторъ въ вышитой туникѣ, расшитой тогѣ и въ красной обуви (tunica palmata, toga picta и calcei mullei). Снимокъ со статуи императора Тита, хранящейся въ Ватиканскомъ музеѣ. Стр. 53, 63, 68.

4. Путникъ въ пенулѣ, туникѣ (paenula, tunica) и шнурованной обуви. Стр. 53, 66, 68.

5. Возница изъ цирка (auriga). Поверхъ пестрой туники съ рукавами (tunica manicata) на немъ обыкновенная туника съ тремя цвѣтными полосами; тѣло искусно обвязано ремнями (узелъ приходится посреди живота). Такая перевязь должна была придать тѣлу устойчивое положеніе. Это было особенно важно, такъ какъ отъ возницы требовалось немало усилій, чтобы, отклоняясь при поворотахъ въ ту или другую сторону, не упасть и удержаться на мѣстѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ перевязь сосавляла защиту отъ ударовъ. Подобный корсетъ изъ ремней примѣняли и врачи въ случаѣ внутреннихъ поврежденій у больного и при грыжѣ. Въ поясной части видимъ заткнутый у возницы серповидный ножъ, который могъ служить, между прочимъ, для перерѣзанія вожжей при внезапномъ выпаденіи изъ колесницы; дѣло въ томъ, что концы вожжей во время скачекъ обвивались кругомъ таліи. На ногахъ видимъ нѣчто въ родѣ рейтузовъ, поверхъ которыхъ пристегнуты мягкіе наколѣнники. Обувью служатъ полусапоги (caligae). На головѣ — шлемъ съ перомъ. Фигура воспроизведена по статуѣ, хранящейся въ Ватиканскомъ музеѣ, и по мозаикѣ въ Museo Nazionale Romano alle Terme. Стр. 55, 69.

6. Ликторъ въ туникѣ, пенулѣ (tunica, paenula) и полусапогахъ съ ремнями; на плечѣ у него связки (fasces). Стр. 53, 66, 68.

XX, 1. Фламинъ-жрецъ въ туникѣ съ узкою каймою (tunica angusticlavia), ленѣ (laena), полусапогахъ патриціевъ (calcei patricii) и въ спеціальномъ шлемѣ (albogalerus) въ правой рукѣ онъ держитъ палочку (commetacula), для устраненія отъ себя народа. Стр. 53, 64, 67, 68.

2. Фламиника-жрица въ туникѣ, паллѣ (tunica, palla) и башмакахъ (socci); на головѣ у нея гранатовый вѣнокъ, перевязанный бѣлою повязкою; сверху—фата (flammeum); въ лѣвой рукѣ—баночка съ ладаномъ. Стр. 46, 49, 50, 53, 68.

3. Авгуръ (augur) въ туникѣ съ узкою каймою (tunica angusticlavia), въ тогѣ претекстѣ (toga praetexta) и въ полусапогахъ патриц. (calcei patricii); въ правой рукѣ онъ держитъ жертвенную чашу (patera), въ лѣвой—кривой посохъ (lituus). Стр. 53, 59, 68.

4. Юноша, прислуживающій при жертвопр. (camillus) въ туникѣ съ узкою каймою (tunica angusticlavia) и въ башмакахъ — soleae. Черезъ лѣвое плечо перекинутъ длинный, широкій лоскутъ бѣлаго овечьяго мѣха (marpa); бѣлая шерсть имѣла особое значеніе при всѣхъ очистительныхъ обрядахъ, равнымъ образомъ и въ костюмѣ фламиники и фламина (стр. 51). Лѣвой рукой юноша держитъ корзину съ плодами, въ правой у него кружка (praefericulum?). Волосы сплетены въ небольшую косу и подобраны. Снимокъ съ рельефа на фризѣ жертвенника Ara Pacis (Petersen, Ara Pacis Augustae, Taf. III, 8).—Камиллами могли быть только свободно рожденные юноши безупречнаго тѣлосложенія съ незапятнанной репутаціей; ихъ выбирали охотно изъ среды дѣтей фламина Юпитера. Стр. 53, 68, 70.

5. Весталка (virgo vestalis) въ туникѣ, плащѣ (carbasus) и башмакахъ (socci); на головѣ—бѣлыя и красныя повязки (infulae) съ ниспадающими на плечи лентами (vittae); сверху платокъ (suffibulum), скрѣпленный на груди брошью (fibula). Въ лѣвой рукѣ—ларчикъ съ ладаномъ

(acerra), въ правой — глиняная жертвенная чаша (cullus). Рисунокъ составленъ на основаніи сохранившейся верхней части одной статуи, найденной въ домѣ весталокъ и находящейся теперь въ Musco Nazionale Romano alle Terme. Стр. 46, 49, 50, 68.

6. Заклатель жертв. животн (pora) въ передникѣ, обрамленномъ бахромой; на немъ широкій поясъ, у котораго ножны съ тремя ножами; на ногахъ шнурованные башмаки; въ лѣвой рукѣ — жертвенная сѣкира.

II. Иллюстраціи въ текстѣ.

Фиг. 1. (Стр. 4). Пенелопа за ткацкимъ станкомъ; Monumenti dell' Istituto IX, табл. 42 = Baumeister, Denkmäler des klassischen Altertums. III, стр. 2085 и др.

Схема 1. (Стр. 9). Пеплосъ.

Фиг. 2. (Стр. 9). Т. н. Варвакіонъ, копія Аѳины - Парѳеносъ Фидія. Пеплосъ; апоптигма, перехваченная поясомъ.

„ 3. (Стр. 10). Античная копія Ирины съ Плутосомъ на рукѣ, работы Кефисодота, отца Праксителя; складки напуска (κόλπος) видны изъ-подъ апоптигмы.

„ 4a. (Стр. 12). Скрѣпленіе 2 куск. матеріи, составляющихъ платье.

„ 4b. (Стр. 12). Булавки, скрѣплявшія одежду (Murray-Smith-Walters, Excavations in Cyprus, стр. 20, фиг. 39).

„ 5. (Стр. 13). Верхняя часть терракотовой статуэтки изъ святилища Геры въ Аргосѣ (Oesterreichische Jahreshefte, 1902, стр. 209, фиг. 61).

„ 6. (Стр. 14). Фибулы (ср. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas I, табл. LXXXIII, 10—12.

„ 7. (Стр. 14). Вазовое изображеніе Европы, сидящей на быкѣ; пеплосъ заколотъ нѣсколькими булавками (ср. Jahn, Entführung der Europa, табл. VII = Roscher, Mytholog. Lex. I, столб. 1415).

Схема 2. (Стр. 15). Женскій хитонъ.

Фиг. 8. (Стр. 17). Вазовое изображеніе, представляющее побѣду надъ Таломъ; богато разукрашенные хитоны (ср. Archäol. Zeitung 1846, табл. 44 = = Baumeister, Denkmäler des klass. Altertums III, стр. 1722).

Фиг. 9. (Стр. 18). Надгробный рельефъ, изображающій покойницу и ея рабыню; хитонъ съ длинными, трубкообразными рукавами (хранится въ Аѳинахъ).

Схема 3. (Стр. 20). Мужской хитонъ.

Фиг. 4. (Стр. 22). Эксомида.

„ 10. 11. (Стр. 23). Статуи Софокла и Демосѳена; гиматіи.

„ 12. (Стр. 24). Статуя женщины въ хитонѣ и гиматіи; хранится въ Ватиканѣ.

„ 13. (Стр. 30). Фигура женщины, по изображенію на вазѣ; головной покровъ (κρήδεμνον; ср. Robert, Bild und Lied, стр. 91 = Roscher, Mythol. Lexikon I, столб. 1967).

„ 14. (Стр. 35). Діадема (ср. Fröhner, Collection Tyszkiewicz, табл I).

„ 15. (Стр. 35). Діадема (ср. Archäol. Zeitung 1884, стр. 94= Guhl und Koner, Leben der Griechen und Römer, стр. 310).

„ 16. (Стр. 36). Голова молодой богини въ высокой діадемѣ; хранится въ Ватиканѣ.

„ 17. (Стр. 37). Серьги (Mus. Gregoriano I, табл. LXXIIIb= Weiss, Kostümkunde, стр. 985, фиг. 410a).

„ 18. (Стр. 37). Фибула (ср. Monumenti dell' Instituto X, табл. XXXI = Helbig, Das homerische Epos aus den Denkmälern erklärt, стр. 277, фиг. 99).

Фиг. 19a—d.
- (Стр. 43). Копія головы книдской Афродиты Праксителя (коллекція Кауфмана въ Берлинѣ).
- (Стр. 43). Голова статуи Артемиды (въ Ватиканѣ).
- (Стр. 43). Бронзовое изображеніе головы дѣвушки (въ Неаполѣ).
- (Стр. 43). Голова молодой богини (въ мюнхенской глиптотекѣ).

Фиг. 20. (Стр. 46). Бюстъ женщины въ двойной туникѣ, по мраморн. оригиналу (въ Неаполѣ).

Фиг. 21. (Стр. 48). Часть рельефа жертвенника Ara Pacis; дѣвочка въ тогѣ и мальчикъ съ буллою (на шеѣ).

„ 22. (Стр. 50). Женскія головы въ чепчикахъ (tutuli) (ср. Helbig, Das homerische Epos, стр. 222, фиг. 64—66).

„ 23 a—b. (Стр. 52). Женскія прически времени Августа—Траяна, по мраморн. оригиналамъ.

„ 24 a—b. (Стр. 54). Изображеніе лавки ножевщика и кузницы (рельефы, снятые съ одного надгробнаго камня, хранящагося въ Ватиканѣ).

„ 25. (Стр. 54). Монета съ изображеніемъ шлема и щитовъ саліевъ.

Фиг. „ 26. (Стр. 54). Рельефъ съ изображеніемъ нѣсколькихъ саліевъ г. Анагніи (ср. Annali dell' Istituto 1869, tav. d'agg. E).

Схема 5. (Стр. 56). Тога.

Схем Фиг. 27. (Стр. 57). Статуя римлянина въ тогѣ (въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ).
Фиг.

„ 28. (Стр. 57). Бронзовая статуя оратора (въ археологическомъ музеѣ во Флоренціи).

„ „ 29. (Стр. 58). Статуя Августа (въ Ватиканѣ).

„ 30. (Стр. 58). Статуя римлянина въ тогѣ (Museo Torlonia въ Римѣ).

„ 31. (Стр. 59). Римлянинъ въ тогѣ претекстѣ, приносящій
„ жертву; по стѣн. живописи въ Помпеяхъ (ср. Heuzey, Revue de l'art II, стр. 196, фиг. 2).

„ „ 32. (Стр. 60). Статуя римлянина въ тогѣ (по мраморн. оригиналу въ Римѣ).

„ „ 33. (Стр. 60). Статуэтка лара (въ Дрезденѣ) (ср. Roscher, Mythol. Lexikon, II, столб. 1892). } Cinctus gabinus.

„ „ 34. (Стр. 62). Статуэтка мальчика (въ Дрезденѣ). }

„ 35. (Стр. 65). Обломокъ рельефа жертвенника Ara Pacis;
„ Августъ представленъ въ санѣ верховнаго жреца (ср. Petersen, Ara Pacis Augustae, тбл. VI и XVII).

Схем

ОПЕЧАТКИ.

Стр.				Напечатано.	Должно быть.
6,	строка	17—18	снизу:	обозначали не полотно, но скорѣе	обозначали скорѣе
22	„	3	„	чтобы	что
27	„	12	сверху:	хланиды	хламиды
27	„	12—13	„	Разные виды... будутъ описаны	Особый видъ... будетъ описанъ
34	„	10	снизу:	кавсіи съ	кавсіи, но съ
36	„	9—10	сверху:	(фиг. 15), получившій въ позднѣйшее время	(фиг. 15); въ позднѣйшее время діадема получила
41	„	5	„	изъ Іоніи	въ Іоніи
42	„	18	снизу:	между эпохами	между этою эпохою и эпохами
48	„	9	сверху:	на одномъ изъ прекрасныхъ рельефныхъ изображеній	на прекрасномъ рельефномъ изображеніи
48	„	9	снизу:	освященіи	освященія
58	„	9	„	концомъ	синусомъ
63	„	17	„	получалу	получали
71	„	9	сверху:	туники	тоги
76	„	14	снизу:	сосавляла	представляла

Произвести съ Э. Бартцемъ рас-
по день полученія извѣщенія отъ
нскаго Комиссара (20 января с.г.),
ъ ему при расчетѣ полуторо-мѣ-
й окладъ содержанія по принято-
равилу объ увольняемыхъ со служ-
юза лицахъ".

По предложенію А. А. Благоволина,
сужденіе и рѣшеніе засѣданія ста-
вопросъ объ инструкторѣ—стажь-
Новоселовѣ, о которомъ имѣется
тавленіе Инстр. Коллегіи объ ут-
ѣніи его въ званіи штатнаго ин-
тора Союза, а также пока оффи-
но непровѣренныя свѣдѣнія о воз-
омъ предъявленіи къ нему судебна-
виненія.

По обмѣнѣ мнѣніями единогласно
новлено:

„Отъ утвержденія стажьера Новосе-
въ штатной должности инструкто-
здержаться, поручивъ Инструктор-
Коллегіи въ 3-хъ дневный срокъ
ить возможность пребыванія Ново-
а на службѣ въ Союзѣ".

Послѣднимъ заслушивается дѣло по
явленному Березовскимъ О-мъ По-
телей обвиненію къ инструктору
Калижникову, при чемъ по настоя-
послѣдняго въ засѣданіи принима-
частіе лишь члены Пр-нія, члены
онной Комиссіи, представитель
. Коллегіи и представитель Комис-
разбору даннаго дѣла.

По заслушаніи объясненій Калижни-
принято постановленіе:

Выдать Калижникову копіи доку-
въ, присланныхъ Березовскимъ Об-
омъ Потребителей и содержащихъ
ительный матеріалъ; предложить
никову реабилитировать себя отъ
еній путемъ привлеченія обвините-
ъ судебной отвѣтственности; до
тавленія Калижниковымъ докумен-
остовѣряющаго подачу имъ жалобы
инителей въ судъ, временно считать
состоящимъ въ составѣ инструкто-
Союза".

Слѣдующее соединенное засѣда
созвано Пр-ніемъ Союза 7-го
ов. ст. въ составѣ лишь чл
и членовъ Ревизіонной Комис

нія Товарно.-Торг. Отдѣломъ Союза.

Единственный кандидатъ въ члена Правленія гр. Стежкинъ отъ принятія на себя работы по Союзу въ качествѣ чле на Пр-нія уклонился (письмо его Пр-нію отъ 11 января с. г.), а между тѣмъ от сутствіе руководителя Тов.-Торг. Отдѣ ломъ изъ числа членовъ Пр-нія необы чайно неблагопріятно отражается н только на жизни Союза, какъ такового но и на жизни всего района Союза. По ніе, обсуждая разнаго рода кандидатуры остановилось на кандидатурѣ старог работника въ Союзѣ—секретаря реда ціи журнала „Сѣверосоюзъ"—Михаил Романовича Петрова, знакомаго съ теоріей и практикой кооперації въ Россіи и Си бири и знающаго бытовыя стороны жи зни нашего Тобольскаго Сѣвера.

По обмѣнѣ мнѣніями о кандидатурѣ М. Р. Петрова и въ виду необходи мости имѣть во главѣ Тов.-Торг. отдѣ человѣка, преданнаго кооперації и зна комаго съ методами кооперативной ра боты въ области товарно-торговой дѣя тельности, единогласно постановили:

„Кооптировать Михаила Романовича Петрова въ составъ Пр-нія „Сѣверосо юза" съ возложеніемъ на него завѣды ванія товарно-торговымъ отдѣломъ Со юза".

Вторымъ важнымъ вопросомъ засѣ данія былъ вопросъ объ открытіи д культурно-просвѣтительнаго фонда „С веросоюза" особаго счета въ книга Союза.

На собраніи уполномоченныхъ Со юза 17—19 іюня 1918 г., между прочимъ было принято рѣшеніе: „на культурно просвѣтительныя цѣли отчислять съ об щей суммы оборота не 1%, а 1½% благодаря чему сумма на культурно-про свѣтительныя цѣли съ 7 милліоновъ обо рота увеличится на 35 тысячъ рублей", а между тѣмъ до настоящаго момента остается не выясненной и не выдѣлен ной изъ обще бухгалтерскихъ данныхъ сумма, подлежащая зачисленію въ куль турно-просвѣтительный фондъ Союза.

Собраніе, принимая во вниманіе съѣзда уполномоченныхъ дол веденa въ исполненіе, по

Всѣ выпуски таблицъ и текстовъ двумя циркулярами Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія—отъ 21 мая 1903 года за № 15672 и отъ 15 октября того-же года за № 32317 — рекомендованы особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія таблицъ большого формата на средства сихъ заведеній въ качествѣ классныхъ пособій при чтеніи греческихъ и римскихъ авторовъ и при изученіи древней исторіи, и таблицъ малаго формата и брошюръ для (необязательнаго) пользованія учащимися при объясненіяхъ преподавателя, а равно и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

На всемірной выставкѣ въ Антверпенѣ 1899 г. за таблицы ихъ сотсавителю присуждена золотая медаль, на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. высшая награда—дипломъ 1-го разряда, на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 г. большая серебряная медаль.

Въ „Каталогѣ учебныхъ руководствъ и пособій", изданномъ по распоряженію Мин. Нар. Пр. въ 1889 г., таблицы С. Цыбульскаго и тексты къ нимъ поименованы подъ №№ 357, 358, 507 и 508, въ отдѣлѣ изданій, рекомендованныхъ для пріобрѣтенія на средства учебныхъ заведеній.

Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи таблицы одобрены для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебн. заведеній Вѣдомства.

Главнымъ управленіемъ военныхъ учебныхъ заведеній таблицы рекомендованы, какъ пособіе по курсу исторіи въ кадетскихъ корпусахъ,

Другія книги и изданія С. О. Цыбульскаго.

Музыка и пѣніе въ гимн. (оттискъ изъ „Журн. Мин. Пр." 1891, Мартъ)

Французскій Археолог. Инст. въ Аѳинахъ (от. изъ журн. „Гимназія", 1891).

Гомеръ, Иліада, Пѣснь Ш. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 21 рис. и геогр. картою. (Изд. Ил. Собр. гр. и рим. классик., подъ редакц. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна).

Антигона Софокла. Лирическія партіи трагедіи съ метрич. дѣленіями, музыкою и иллюстраціями; съ приложеніемъ указаній для постановки трагедіи на сценѣ. Ц. 3 р. (Осталось весьма незначит. число экземпляровъ).

Моимъ бывшимъ ученикамъ, 1901. Ц. 25 коп.

Поѣздки учащихся за границу (оттискъ изъ „Русской Школы", апрѣль, 1902). Ц. 25 коп.

Художественное введеніе къ IV книгѣ обвинительной рѣчи М. Т. Цицерона противъ Верреса (о памятникахъ искусства). Греческая скульптура (съ 38 иллюстраціями). Ц 50 к.

Мнѣніемъ Ученаго Комитета М. Н. Пр., опредѣлено одобрить означенную книгу для пріобрѣтенія въ фундаментальныя, а также, по возможности въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и въ ученическія старшаго возраста библіотеки мужскихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

Главный складъ:

С.-Петербургъ, Изм. пол. 3-ья Рота д. № 4, кв. 15.

Лица, обращающіяся съ требованіями по указанному адресу къ автору (Степ. Осип. Цыбульскому, препод. С.-Петерб. 3-й гимназіи), пользуются скидкою: ←

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1904 г.